

Тод Штрассер

ВОЛНА

Annotation

Тод Штрассер (род. 1950) — американский писатель, журналист, автор более 120 произведений для детей и подростков. Всемирная известность пришла к автору после выхода его книги «Волна», которая произвела эффект разорвавшейся бомбы. Книга основана на реальных событиях, произошедших в 1967 году в одной из школ маленького калифорнийского городка. Учитель истории Бен Росс ставит социальный эксперимент, чтобы в игровой форме показать подросткам, что такое нацизм. Сначала все выглядело как непривычное и увлекательное приключение, игра в дисциплину и коллективизм. Однако спустя всего несколько дней Бен Росс осознает, что его ученики, по сути, превратились в образцовых граждан тоталитарного общества.

-
-
- [ОТ ИЗДАТЕЛЯ](#)
- [Волна](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)

- [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [В КАЧЕСТВЕ ПОСЛЕСЛОВИЯ](#)
 - [Как все начиналось:](#)
 - [Сегодня для нас холокост — это:](#)
 - [Предыстория создания книги](#)
 - [Об авторе](#)
 -
-

Катастрофические изменения происходят в душе человека очень быстро, и только культура способна противостоять безумию фашизма, который может вспыхнуть в самом благополучном на первый взгляд обществе. Потрясающий, пессимистический эксперимент. Важное предостережение.

Людмила Улицкая

Эта история основана на реальных событиях, произошедших в 1970-х годах в обычной калифорнийской школе.

Чтобы донести до учеников основные принципы функционирования нацистского режима, учитель истории Бен Росс создает движение «Волна». Его идеология базируется на формуле, заимствованной из уклада гитлеровской Германии. Всего за несколько дней школа превращается в настоящее микрототалитарное сообщество, члены которого с ужасающей покорностью готовы следовать за своим лидером. Ситуация полностью выходит из-под контроля, и Бен Росс уже не понимает, как положить конец этому безумию...

Todd Strasser

THE WAVE

Random House

Тод Штрассер

ВОЛНА

Перевод с английского

Евгении Лавут

Москва

Самокат

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

В огромном море литературы есть редкие тексты, которые оставляют след в истории и памяти людей. «Волна» Тода Штрассера — одна из таких книг.

В основе этой книги — эксперимент, проведенный американским учителем Роном Джонсом в одной из школ Пало-Альто в 1967 году. Начавшийся с вопроса о том, как простые жители Германии могли не замечать концентрационных лагерей, массовых репрессий и других бесчеловечных проявлений фашизма, этот эксперимент закончился созданием организованной группы, живущей по законам тоталитарного общества, со своими репрессивными органами, диктатом дисциплины, искренней верой в идеалы нового общества и ненавистью к людям, не принимающим этих идеалов. Пятидневный эксперимент, каждый день которого проходил под знаком новой формулы, заимствованной из уклада гитлеровской Германии, превратил учеников средней школы в образцовых граждан тоталитарного государства.

В России эта история имеет особый привкус: в том, что сначала казалось американским школьникам непривычной и увлекательной игрой — игрой в дисциплину, игрой в коллектив, интересы и цели которого встают над интересами и целями личности, — легко различить черты и манеры системы, которая у нас создавалась государством. Правилам этой игры в советском обществе была подчинена жизнь каждого человека, а с ее приметами и пережитками мы сосуществуем до сих пор — с авторитарными методами учителей, для которых правильная посадка и тишина в классе может оказаться важнее знания предмета, с интонациями ведущих телевизионных новостей,

призывающих сплотиться перед лицом тех или иных угроз.

Перед тем как стать этой книгой, история эксперимента Рона Джонса прошла через несколько жанров — от эссе в книге о педагогике до фильма, снятого для американского телевидения, и с переходом в другие жанры и формы эта история менялась — теряла одних героев и приобретала других. На ней оседали характерные для этих жанров черты, появлялись новые сюжетные линии, менялись точки зрения и имена (так, например, Рон Джонс превратился в Бена Росса). Теперь она стала более беллетризованной, более доступной и универсальной, но в ее основе — те же переживания учителя и учеников, та же проблематика и тот же вопрос, заданный Рону Джонсу, из которого и вырос весь этот эксперимент: как могли жители целой страны не замечать несправедливости режима, как они могли не слышать о происходящих преследованиях? Этот вопрос встает теперь и перед русским читателем.

Волна

ГЛАВА 1

Лори Сондерс, ученица выпускного класса школы «Гордон Хай», сидела в редакции школьной газеты «Листок Гордон Хай» и в задумчивости грызла шариковую ручку. Красивая, с короткими светло-каштановыми волосами, Лори почти всегда улыбалась, кроме тех случаев, когда была вконец расстроена или грызла ручки. За последнее время она съела их порядочно. В сущности, в портфеле у нее не осталось ни одной нетронутой ручки, ни одного целого карандаша. Зато так ей совсем не хотелось курить.

Лори окинула взглядом небольшой кабинет, тесно уставленный столами с пишущими машинками. Сейчас тут должно было быть полно народу: корреспонденты, в поте лица строчащие статьи, художники и верстальщики, доделывающие макет. Но кроме Лори никого не было. Просто потому, что на дворе стояла прекрасная погода.

Лори почувствовала, как пластмассовый корпус ручки треснул у нее во рту. Мама уже предупреждала ее, что однажды такой осколок застрянет у нее в горле и она задохнется. Вспомнив об этом, Лори вздохнула. Только маме может прийти такое в голову.

Она взглянула на настенные часы. Через пару минут свободный урок кончится. Никто, конечно, не обязан в свое свободное время торчать в редакции, но ведь всем известно, что «Листок» должен выйти на следующей неделе! Неужели так трудно на несколько дней отложить летающие тарелки, сигареты и попытки загореть — и сделать так, чтобы газета была готова в срок?!

Лори вложила ручку в блокнот и принялась складывать тетрадки к уроку. Нет, это безнадежно. За

три года, что она занималась «Листком», он ни разу не вышел вовремя. Даже когда она стала главным редактором, ничего не изменилось. Вечно приходилось ждать, пока у всех руки дойдут.

Закрыв дверь кабинета, Лори вышла в коридор. Там почти никого не было: звонок еще не прозвенел. Лори подошла к одному из классов и заглянула в окошко.

В классе ее лучшая подруга Эми Смит, миниатюрная, с копной золотистых кудряшек, изо всех сил старалась дотерпеть до конца урока французского с мистером Габонди. Лори учила французский у Габонди в прошлом году, и это было сплошное мучение. Мистер Габонди был приземистый, плотно сбитый смуглый человечек, который как будто все время потел, даже в лютую зиму. На уроках он говорил таким монотонным, невыразительным голосом, что засыпали самые лучшие ученики. Курс, который он преподавал, был совсем не сложным, но Лори хорошо помнила, как трудно было получить пятерку по этому предмету: сосредоточиться на нем было решительно невозможно.

Наблюдая за страданиями Эми, Лори решила, что пора немного ее повеселить. Расположившись за дверью так, чтоб Эми ее видела, а мистер Габонди нет, Лори скосила глаза к носу и состроила идиотскую физиономию. Эми закрыла рот рукой, чтобы не расхохотаться. Лори скорчила еще одну рожу — Эми старалась не смотреть на нее, но не смогла удержаться. И тогда Лори проделала свой знаменитый трюк: показала «рыбу». Она растянула пальцами уши, скосила глаза и выпятила губы. Эми так старалась не рассмеяться, что из глаз у нее брызнули слезы.

Лори понимала, что пора остановиться. На Эми было ужасно забавно смотреть: ее могло рассмешить все что угодно. Если продолжать в том же духе, Эми, скорее всего, рухнет со стула в проход между партами. Но Лори ничего не могла с собой поделать. Она стала

спиной к двери, чтобы заинтриговать Эми, сощурилась, скривила рот — и резко развернулась...

Перед ней стоял разъяренный мистер Габонди. А за его спиной уже не только Эми — весь класс бился в истерике. Лори замерла на месте... Но не успел Габонди отчитать ее, как прозвенел звонок и ученики высыпали в коридор. Эми согнулась от хохота пополам и схватилась за живот. Под ледяным взглядом мистера Габонди девочки, уже не в силах больше смеяться, взялись за руки и отправились на следующий урок.

Учитель истории Бен Росс сидел на корточках перед кинопроектором, пытаясь загнать пленку в сложный лабиринт колесиков и линз. С четвертой попытки у него опять ничего не получилось. В отчаянии Бен взъерошил свои выющиеся темные волосы. Общение с техникой было для него сплошным мучением — кинопроекторы, машины, автозаправки сводили Бена с ума.

Не в силах разобраться сам, он во всем, что касалось механики, доверялся своей жене Кристи. Она преподавала музыку в школе «Гордон Хай», а дома отвечала за все, что требовало ловкости рук. Кристи утверждала, что Бен не может и лампочки поменять, но тут она, конечно, преувеличивала. За свою жизнь он поменял множество лампочек, разбив при этом всего пару-тройку.

Впрочем, за время преподавания в школе «Гордон Хай» — а Бен и Кристи работали там уже два года — Бену удалось ничем не выдать свое неумение обращаться с техникой. Вернее, столь велика была слава о его педагогическом таланте, что такие мелочи на ее фоне не были заметны. Ученики Бена с восторгом рассказывали о его энтузиазме: его так захватывала каждая новая тема, что этот интерес передавался и им.

Это было «заразно», говорили они. Он знал, как растормошить их.

Коллеги Росса не были столь единодушны. Некоторым нравился его творческий подход. Они признавали, что его уроки открывают новую перспективу: это была история на практике, история реальная. Когда изучали политическую систему, Росс делил класс на партии. Если разбирали знаменитый судебный процесс, он назначал одного ученика адвокатом, другого прокурором, а остальных — присяжными.

Но многие учителя относились к Бену скептически. Кто-то говорил, что причина чрезмерного усердия Бена в том, что он молод и наивен. Через несколько лет он успокоится и начнет вести уроки «как следует»: с длинными списками литературы, еженедельными контрольными и лекциями. Некоторым не нравилось, что он не ходит на работу в костюме и галстуке. А кое-кто откровенно завидовал ему.

Но чему определенно не стоило завидовать, так это тому, как Бен обращался с кинопроекторами. В чем-то ему, конечно, не было равных, но сейчас, растерянно глядя на спутанный ком целлулоидной пленки в зловредной машине, он только чесал в затылке. Через несколько минут придут его старшеклассники, он так давно мечтал показать им этот фильм! Жаль, что в колледже будущих учителей не учат обращаться с проекторами.

Росс намотал пленку обратно на катушку, так ее и не вставив. Наверняка в классе найдется какой-нибудь вундеркинд, который запустит все это в минуту. Бен вернулся к своему столу и взял стопку домашних работ, чтобы раздать их перед началом просмотра.

Что ж, этого следовало ожидать, думал Бен, пролистывая работы. Как обычно, две пятерки — у Лори Сондерс и Эми Смит. Еще одна пятерка с минусом,

сколько-то троек и четверок. И всего две двойки. Одна — у Брайана Эммона, квотербека школьной футбольной команды. Ему как будто нравилось получать плохие оценки, хотя Бену было ясно, что Брайан может учиться гораздо лучше, если постарается. Вторая двойка — у Роберта Биллингса, вечного неудачника. Росс покачал головой. Беда с этим мальчишкой.

Прозвенел звонок, двери классов распахнулись, и в коридор хлынула толпа учеников. С урока ребята вылетали как пробка из бутылки, зато на урок еле ползли. Бен считал, что в целом старшая школа стала заметно лучше с тех пор, как он сам ее закончил. Но некоторые вещи страшно раздражали его. Например, теперь ученики почти никогда не приходили на урок вовремя. Пять, а то и десять минут драгоценного времени пропадали, пока все собирались. Когда Бен был старшеклассником, прийти на урок после второго звонка считалось серьезным нарушением.

Еще домашние задания. Ребята просто не считали, что их нужно делать. Можно было кричать, угрожать поставить кол или оставить после уроков — все было бесполезно. Домашняя работа стала фактически необязательной. Как сказал Бену недавно один девятиклассник: «Это, конечно, очень важно, мистер Росс, но моя личная жизнь важнее».

Бен усмехнулся. Личная жизнь.

В класс потянулись ученики. Росс заметил Дэвида Коллинза, высокого красивого мальчика, раннингбека школьной футбольной команды, а кроме того — бойфренда Лори.

— Дэвид, — позвал Росс, — может, у тебя получится зарядить проектор?

— Не вопрос, — отвечал Дэвид.

Мальчик тут же сел на колени возле проектора и взялся за работу. Всего за несколько секунд он заправил пленку. У Бена отлегло от сердца.

В класс, еле передвигая ноги, вошел Роберт Биллингс. Тучноватый, с вечно пузырящейся рубашкой, он всегда был так растрепан, словно с утра никогда не причесывался.

— Кино будем смотреть? — поинтересовался он, увидев проектор.

— Нет, придурок, — отвечал ему Брэд, один из главных мучителей Роберта. — Просто мистер Росс любит проекторы, ставит их везде для собственного удовольствия.

— Прекрати, Брэд, — резко сказал Бен. — Хватит.

В классе наконец собралось достаточно учеников, чтобы приступить к раздаче домашних работ.

— Итак, — громко произнес Бен, чтобы привлечь внимание. — У меня в руках работы, которые вы писали на прошлой неделе. В целом ничего. — Он ходил между парт и раздавал проверенные задания. — Но я должен вас предупредить. Вы совершенно распустились.

Он остановился и показал всему классу одну из работ.

— Взгляните. Что, так уж необходимо калякать на полях?

Класс захихикал.

— Чье это? — спросил кто-то.

— Это вас не касается. — Бен перетасовал листки бумаги и продолжил их раздавать. — С сегодняшнего дня я начинаю снижать оценки за грязь. Если у вас много исправлений, перепишите все начисто, прежде чем сдать. Все ясно?

Кое-кто закивал. Остальные не обратили внимания на его слова. Бен развернул экран. Уже третий раз в этом полугодии он ругал их за небрежность.

ГЛАВА 2

Они изучали Вторую мировую войну, и документальный фильм, который Бен показывал им сегодня, был про зверства нацистов в концентрационных лагерях. Класс замер в темноте, не сводя глаз с экрана. Там мелькали истощенные люди, обтянутые кожей скелеты с распухшими коленными суставами.

Бен, конечно, уже видел этот фильм и ему подобные. Но зрелище дикой необъяснимой жестокости нацистов по-прежнему вызывало в нем ужас и негодование. Пока крутилась пленка, Бен взволнованно рассказывал:

— То, что вы сейчас видите, происходило в Германии между 1934 и 1945 годами. Все это дело рук одного человека, которого звали Адольф Гитлер. Он успел поработать чернорабочим, портье, маляром, а после Первой мировой войны занялся политикой. В той войне Германия потерпела поражение, правительство было беспомощным, а инфляция — высокой, тысячи людей остались без крова, еды и работы.

Благодаря этому Гитлер сделал стремительную карьеру в нацистской партии. Он разработал теорию о том, что евреи разрушают цивилизацию, а немцы принадлежат к высшей расе. Сегодня мы понимаем, что Гитлер был параноиком и психопатом — то есть в буквальном смысле безумцем. В 1923-м году за свою политическую деятельность он угодил в тюрьму, но к 1934-му он и его партия получили контроль над германским правительством.

Бен замолчал, чтобы ученики сосредоточились на том, что видели. На экране были газовые камеры и тела, уложенные штабелями, как дрова. Те, кто был еще жив,

должны были под бдительным оком нацистских солдат перетаскивать и складывать мертвых. Как один человек может заставить другого человека делать такое, спрашивал себя Бен.

Затем он снова начал говорить:

— Гитлер называл лагеря смерти окончательным решением еврейского вопроса. Но попадали туда не только евреи, а все, кого нацисты считали недостойными называться высшей расой. По всей Восточной Европе людей сгоняли в лагеря, где их пытали, морили голодом и непосильной работой, а когда они уже больше не могли работать, отправляли в газовые камеры. Их останки сжигали в огромных печах.

Бен помолчал и добавил:

— Считалось, что заключенный может прожить в лагере 270 дней. Но многие не выдерживали и недели.

На экране появились крематории. Бен хотел было сказать, что дым из труб был от горящей человеческой плоти. Но не сказал. Смотреть и без того было тяжело. Слава богу, люди еще не придумали, как записывать на пленку запах. Хуже этого запаха нельзя было себе представить. Вонь от самого омерзительного из человеческих деяний была невыносимой.

Фильм заканчивался, и Бен сказал:

— В концентрационных лагерях погибли более десяти миллионов мужчин, женщин и детей.

Конец фильма. Ученик, сидевший возле двери, включил свет. Бен обвел глазами класс — почти все были глубоко потрясены увиденным. Бен не хотел нарочно шокировать их, но иначе быть не могло. Почти все они выросли в маленьких пригородах, раскинувшихся вокруг школы «Гордон Хай». Их семьи принадлежали к стабильному среднему классу, и несмотря на то что насилие через средства массовой информации проникало повсюду, эти дети оставались на удивление наивными и защищенными. И все-таки

несколько человек уже начали дурачиться. Должно быть, все это показалось им попросту еще одной телепрограммой. Роберт Биллингс, сидевший у окна, спал, уронив голову на парту. Но в первых рядах Эми Смит, кажется, утирала слезу. На Лори Сондерс тоже лица не было.

— Я знаю, что многие из вас сейчас испытывают глубокое потрясение, — сказал Бен. — Но я показал вам этот фильм не только для того, чтобы получить эмоциональную реакцию. Я хочу, чтобы вы подумали о том, что увидели, и о том, что я вам в связи с этим рассказал.

Эми Смит поспешно подняла руку.

— Я слушаю, Эми.

— Все немцы были нацистами? — спросила она.

Бен покачал головой.

— Нет, на самом деле, менее десяти процентов населения Германии были членами Национал-социалистической партии.

— Почему же никто не пытался их остановить? — воскликнула Эми.

— Не могу тебе точно сказать, Эми, — отвечал Росс. — Я могу только предположить, что они боялись. Нацисты были меньшинством, но меньшинством высокоорганизованным, вооруженным и опасным. Не стоит забывать, что остальное население Германии было разрозненным, невооруженным и запуганным. Кроме того, страна только что прошла период чудовищной инфляции, которая ее совершенно разорила. Возможно, кто-то надеялся, что нацисты помогут возродить Германию. Как бы там ни было, после войны большинство немцев говорили, что ничего не знали о зверствах.

Темнокожий мальчик по имени Эрик нетерпеливо поднял руку.

— Это чушь! — выпалил он. — Как можно незаметно уничтожить десять миллионов человек?!

— Точно, — согласился Брэд, тот, что цеплялся к Роберту Биллингсу перед началом урока. — Это неправда.

Бен ясно видел, что фильм задел большую часть класса, и был доволен. Оказывается, что-то могло их взволновать.

— Что ж, — сказал он Эрику и Брэду, — наверняка я могу сказать только, что после войны немцы утверждали, что ничего не знали о массовых убийствах и концлагерях.

Теперь руку тянула Лори Сондерс.

— Но Эрик прав. Как немцы могли ничего не замечать, если вокруг убивали людей? И еще говорить, что ничего не знали! Как можно так поступать? Как можно говорить такое?

— Все, что я могу сказать вам по этому поводу, — это что нацисты были отлично организованы и их боялись. Поведение остальных жителей Германии — загадка: почему они не пытались их остановить, почему говорили, что ничего не знали? Ответа нет.

Эрик снова поднял руку.

— А я бы в любом случае никогда не позволил такому незначительному меньшинству управлять большинством.

— Точно, — вторил ему Брэд. — Я не дал бы кучке нацистов так меня запугать, что я стал бы притворяться, будто ничего не вижу и не слышу.

Другие ученики тоже тянули руки, но Бен не успел дать слово всем желающим — прозвенел звонок, и класс хлынул в коридор.

Дэвид Коллинз поднялся с места. В животе у него страшно урчало. Сегодня он проспал и пропустил свой обычный завтрак из трех блюд, чтобы успеть в школу. Хотя фильм, показанный мистером Россом, впечатлил

его, он думал только о том, что на следующей перемене ланч.

Он оглянулся на свою подружку Лори, но та продолжала неподвижно сидеть за партой.

— Скорей, Лори, — позвал он, — Бежим в столовую. А то будем в очереди торчать.

Но Лори помахала ему, чтобы шел без нее.

— Я догоню!

Дэвид нахмурился. Он разрывался между желанием дождаться Лори и наполнить пустой желудок. Желудок победил, и Дэвид выбежал прочь.

Когда он ушел, Лори встала и внимательно посмотрела на мистера Росса. В классе осталось всего несколько человек. Не считая Роберта Биллингса, который только-только очнулся ото сна. Это были те, кого особенно потрясло увиденное.

— Я не могу поверить даже в то, что все нацисты были жестокими, — сказала Лори. — Я не верю, что хоть один человек может быть таким.

Бен кивнул.

— После войны многие нацисты пытались оправдать свое поведение тем, что они только выполняли приказ и что в противном случае их бы убили.

Лори покачала головой.

— Нет, это не оправдание. Могли убежать. Могли бороться. У каждого своя голова на плечах. Нужно было думать своей головой. Никто не стал бы просто выполнять такой приказ.

— Но они утверждали, что это было именно так, — заметил Бен.

Лори снова покачала головой.

— Это ненормально, — в ее голосе звучало отвращение. — Это абсолютно ненормальное поведение.

С этим трудно было поспорить, и Бен кивнул.

Роберт Биллингс попытался проскользнуть мимо учительского стола как можно незаметнее.

— Роберт, — окликнул его Бен, — постой.

Мальчик замер на месте, не решаясь посмотреть учителю в глаза.

— Ты высыпаешься дома? — спросил Бен.

Роберт молча кивнул.

Бен вздохнул. С начала полугодия он безуспешно пытался наладить контакт с мальчиком. Ему было больно видеть, что ребята дразнят его, что он даже не пытается работать на уроке.

— Роберт, — строго сказал он, — если ты не начнешь работать на уроке, я не смогу тебя аттестовать.

Роберт скользнул по нему взглядом и снова отвернулся.

— Неужели тебе нечего сказать? — продолжал Бен.

Роберт пожал плечами.

— Мне все равно.

— Что значит все равно? — не успокаивался Бен.

Роберт сделал несколько шагов к двери. Бен чувствовал, как неприятны ему эти вопросы.

— Роберт!

Мальчик остановился, но опять не смог заставить себя посмотреть на учителя.

— У меня все равно ничего не получится, — пробурчал он.

Бен не знал, что сказать. Случай был непростой: младший брат, едва заметный в тени старшего, образцового ученика, которого все знали и уважали. Джефф Биллингс, лучший питчер среди старшеклассников, входивший в младшую лигу команды Балтимор Ориолс, в свободное время изучал медицину. Он добивался блестящих результатов во

всем, за что брался, и в школе был круглым отличником. Таких даже Бен терпеть не мог, когда сам учился в школе.

Роберт быстро понял, что никогда не сможет поравняться с братом, и перестал даже пытаться соревноваться с ним.

— Послушай, Роберт, — сказал Бен, помолчав. — Никто не ждет, что ты будешь как Джефф.

Роберт быстро взглянул на Бена и принялся грызть ноготь на большом пальце.

— Просто попробуй — я прошу только об этом.

— Мне пора идти, — пробормотал Роберт, глядя в пол.

— На спорт мне вообще наплевать, слышишь?

Но мальчик уже медленно пятился к выходу.

ГЛАВА 3

Дэвид Коллинз обедал во дворе школьной столовой. Когда наконец пришла Лори, он уже проглотил пол-ланча и понемногу начинал чувствовать себя человеком. Лори поставила свой поднос на его стол, и тут на пороге столовой появился Роберт Биллингс.

— Гляди-ка, — прошептал Дэвид на ухо Лори.

Они внимательно следили за Робертом, который застыл в дверях с подносом в руках и искал, где сесть. Он начал жевать на ходу: изо рта у него торчала половина хот-дога.

За столиком, который он выбрал, уже сидели две девочки — как только он поставил свой поднос, они немедленно пересели. Роберт сделал вид, что ничего не заметил.

Дэвид покачал головой.

— Неприкасаемый из «Гордон Хай», — пробормотал он.

— Ты думаешь, с ним действительно что-то не так? — спросила Лори.

Дэвид пожал плечами.

— Не знаю. Сколько помню его, он всегда был довольно странный. Хотя, если бы ко мне так относились, я бы тоже стал странным. Даже удивительно, что они с братом в одной семье выросли.

— Я тебе говорила, что наши мамы знакомы?

— Его мама когда-нибудь о нем говорит? — поинтересовался Дэвид.

— Нет. Только один раз она сказала, что они его тестировали и у него нормальный интеллект. Ну, он не тупой и не больной...

— ...а просто странный, — закончил Дэвид и снова принялся поглощать ланч. А вот Лори совсем не

хотелось есть — она была чем-то озабочена.

— Что с тобой? — спросил Дэвид.

— Этот фильм, — отвечала она. — Он не дает мне покоя. А тебе?

Дэвид задумался на мгновение.

— Ну да, как любое ужасное событие, он заставляет переживать. Но это же было очень давно, Лори. Для меня это как часть истории, что ли. Ты же не можешь изменить то, что уже произошло.

— Но и забыть не можешь, — сказала Лори. Она попробовала гамбургер, поморщилась и отложила его.

— Но не страдать же от этого всю жизнь, — возразил Дэвид и посмотрел на гамбургер. — Ты будешь доедать?

Лори покачала головой. После фильма ей расхотелось есть.

— Угощайся.

Дэвид угостился и гамбургером, и картошкой, и мороженым. Лори отстраненно смотрела на него.

— М-м-м, — Дэвид, крайне довольный, вытер рот салфеткой.

— Еще чего-нибудь хочешь?

— Если честно...

— Эй, у вас свободно? — спросил кто-то за их спиной.

— Я пришла раньше! — ответил другой голос.

Дэвид и Лори оглянулись и увидели Эми Смит и Брайана Эммона, квотербека школьной футбольной команды, — они с разных сторон направлялись к их столику.

— Что значит, ты раньше пришла? — спросил Брайан.

— Ну, хотела прийти раньше, — отвечала Эми.

— Хотеть не значит прийти, — заявил Брайан. — К тому же нам с Дэвидом надо обсудить футбольные дела.

— А мне нужно поговорить с Лори.

— О чем это?

— Какая разница, ей нужна компания, пока вы будете болтать о футболе.

— Перестаньте, — прервала их Лори, — тут хватит места для двоих.

— С ними нужно место для троих, — Эми кивнула на Брайана и Дэвида.

— Ой, какие мы строгие, — пробурчал Брайан.

Дэвид и Лори подвинулись, и Эми с Брайаном втиснулись рядом с ними. Насчет места для троих Эми была права — Брайан притащил два переполненных подноса.

— Эй, куда ты все это денешь? — спросил Дэвид, хлопнув приятеля по спине.

Брайан был небольшого роста, даром что квотербек. Дэвид был выше его на целую голову.

— Мне нужно набрать вес, — объяснил Брайан и набросился на еду. — И каждый свой фунт в эту субботу я обращаю против парней из Кларкстона. Они такие здоровенные. Просто гиганты. Говорят, у них есть один лайнбекер — шесть футов тридцать дюймов ростом, и весит двести двадцать фунтов.

— Не понимаю, почему ты так волнуешься, — сказала Эми. — С таким весом нельзя быстро бегать.

Брайан закатил глаза.

— Да ему и не нужно бегать, милая. Его задача — мочить квотербеков.

— Какие прогнозы на субботу? — спросила Лори. Нужно будет сделать статью для «Листка», подумала она.

Дэвид пожал плечами.

— Не знаю. Команда в полном раздрае. Игры не разбираем. Половина народу вообще на тренировки не ходит.

— Да уж, — согласился Брайан. — Тренер Шиллер обещал выгнать всех, кто не ходит. Но если он это сделает, некому будет играть.

На этом тема футбола была исчерпана, и Брайан вплотную занялся вторым гамбургером.

Дэвид задумался о других насущных вопросах.

— Кто-нибудь разбирается в алгебре?

— Зачем ты выбрал этот курс? — удивилась Эми.

— Инженерам это нужно, — объяснил Дэвид.

— Почему бы не подождать до колледжа? — спросил Брайан.

— Говорят, что это очень трудно и надо пройти все два раза, чтобы разобраться. Я решил, первый раз — сейчас, а второй попозже.

Эми ткнула подругу локтем.

— Странный у тебя парень.

Вот кто странный — прошептал Брайан, кивая на Роберта Биллингса.

Все четверо повернулись в сторону Роберта. Он сидел в полном одиночестве, уткнувшись в комикс про Человека-Паука. Он беззвучно шевелил губами; по подбородку стекала струйка кетчупа.

— Он все кино проспал, видели? — сказал Брайан.

— Не напоминай про это Лори, — попросил Дэвид. — Она прямо испереживалась.

— Из-за фильма этого? — спросил Брайан.

Лори бросила недобрый взгляд на Дэвида.

— Необязательно всем рассказывать.

— Но это же правда, разве не так? — возразил Дэвид.

— Да оставьте вы меня в покое! — воскликнула Лори.

— Я тебя понимаю, — сказала Эми. — Я сама была в ужасе.

Лори повернулась к Дэvidу.

— Видишь? Меня не одну задело за живое.

— Эй, я же не сказал, что меня не задело, — попытался защититься Дэвид. — Я просто сказал, что это было и прошло. Забудьте. Это случилось один раз, и мир извлек из этого урок. Больше такого никогда не случится.

— Надеюсь, — сказала Лори, забирая со стола свой поднос.

— Ты куда? — спросил Дэвид.

— Мне нужно заняться газетой, — ответила Лори.

— погоди, я с тобой, — вскочила Эми.

Дэвид и Брайан посмотрели вслед уходящим подружкам.

— Ни фиги себе, как она загрузилась этим фильмом, — сказал Брайан.

— Ну да, — кивнул Дэвид. — Знаешь, она все слишком серьезно воспринимает.

Эми Смит и Лори Сондерс сидели в редакции и болтали. Эми не была в штате, но она частенько зависала в «Листке» вместе с Лори. Дверь в кабинет запиралась, и Эми могла преспокойно курить в открытое окно. Весь дым шел наружу, так что если заходил учитель, она быстро выбрасывала во двор сигарету — и все, никаких следов.

— Ужасный был фильм, — сказала Эми.

Лори задумчиво кивнула.

— Вы что, поссорились с Дэвидом? — спросила Эми.

— Да не то чтобы, — Лори чуть улыбнулась. — Мне просто хочется, чтобы он научился воспринимать всерьез что-нибудь кроме футбола.

— Но он хорошо учится, — заметила Эми. — Он не такой тупой спортсмен, как Брайан.

Девочки похихикали, и Эми спросила:

— С чего он решил стать инженером? Это так скучно.

— Он хочет быть компьютерщиком, — ответила Лори. — Видела комп у него дома? Он сам его собрал.

— Как-то не довелось, — игриво произнесла Эми. — Кстати, вы решили, что будете делать в следующем году?

Лори покачала головой.

— Может, поедem куда-нибудь вместе. Зависит от того, куда мы поступим.

— Твои родители будут в восторге, — съязвила Эми.

— Ну, думаю, они не будут возражать, — сказала Лори.

— Почему бы вам просто не пожениться? — вдруг спросила Эми.

Лори поморщилась:

— Да ну, Эми. То есть я, наверное, люблю Дэвида, но кто в таком возрасте женится.

Эми улыбнулась.

— Не знаю, если бы он сделал предложение мне, я бы, пожалуй, задумалась.

— Хочешь, я намекну? — засмеялась Лори.

— Прекрати, ты же знаешь, как ты ему нравишься. Он больше ни на кого не смотрит.

— Пусть только попробует, — сказала Лори. Она уловила нотку сожаления в голосе подруги. Как только Лори стала встречаться с Дэвидом, Эми тоже решила завести роман с футболистом. Лори порой раздражало, что обратной стороной их дружбы было постоянное соперничество — за мальчиков, оценки, популярность — одним словом, за все, за что можно бороться. Они, конечно, были лучшими подругами, но это соперничество мешало им быть по-настоящему откровенными друг с другом.

В дверь неожиданно постучали и кто-то резко дернул дверную ручку. Девочки подскочили.

— Кто там? — спросила Лори.

— Директор Оуэнс, — ответил низкий голос. — Почему заперта дверь?

У Эми от страха расширились зрачки. Она выкинула сигарету и стала шарить в кармане в поисках жвачки или холодка.

— Мы, наверное, случайно закрылись, — нервно затараторила Лори, отпирая дверь.

— Так немедленно откройте!

Эми была в панике.

Лори бросила ей беспомощный взгляд и распахнула дверь.

В коридоре стояли ребята из ее газеты — Карл Блок, специалист по журналистским расследованиям, и Алекс Купер, музыкальный обозреватель. Оба широко улыбались.

— Так это вы! — Лори была вне себя. Эми, выглядывавшая из-за ее плеча, казалось, вот-вот упадет в обморок. В кабинет вошли два известных на всю школу шутника.

Карл был тощим и длинным блондином, темноволосый, плотно сбитый Алекс не расставался с плеером и наушниками.

— Порядок нарушаете? — с хитрым видом спросил Карл, то поднимая, то опуская брови.

— Из-за тебя пропала роскошная сигарета, — упрекнула его Эми.

— Тээк, — неодобрительно протянул Алекс.

— Как продвигается газета? — спросил Карл.

— А ты как думаешь? — с укором воскликнула Лори. — Никто из вас еще ни одного материала не сдал в этот номер.

— О-о, — Алекс озабоченно посмотрел на часы и попятился к двери. — Я чуть не забыл, мне пора на самолет в Аргентину.

— Я подброшу тебя в аэропорт, — поддержал приятеля Карл, и друзья зашагали прочь.

Лори посмотрела на Эми и сокрушенно покачала головой.

— Ох уж эти двое, — сказала она, погрозив им вслед кулаком.

ГЛАВА 4

Что-то не давало покоя Бену Россу. Он не мог в точности объяснить, что именно, но это было связано с вопросами, которые ему задавали ученики после фильма. Он гадал, почему у него не получалось внятно им ответить. Неужели поведение немцев при нацизме и впрямь было необъяснимым?

В тот день после уроков Бен зашел в библиотеку и взял оттуда целую стопку книг. Жена вечером собиралась пойти играть в теннис с друзьями, так что у него будет много времени для раздумий. Пролистав несколько книг, Росс пришел к выводу, что готового ответа нигде не найдет. И снова задумался. В чем же причина? Это было нечто, что нельзя описать словами, — и историки с этим смирились? Или это можно было понять, только находясь там? Или если в точности воссоздать подобную ситуацию?

Эта идея показалась Россу любопытной. Что если посвятить урок или два такому эксперименту? Попытаться заставить учеников почувствовать, какой была жизнь при нацизме. Только бы придумать, как это сделать, — и тогда, Бен был уверен, это будет гораздо понятней любого объяснения из книжки. Попробовать определенно стоило.

Кристи Росс вернулась домой только после одиннадцати. Она играла в теннис, а потом ужинала с подругой. Дома она увидела своего мужа за заваленным книгами кухонным столом.

— Домашнюю работу делаешь?

— В некотором роде, — отвечал Бен, не отрываясь от книги.

На вершине книжной пирамиды Кристи заметила пустой стакан и тарелку с крошками от сэндвича.

— Что ж, хорошо, что хотя бы поесть не забыл, — сказала она, собирая посуду и сгружая ее в раковину.

Муж ничего не ответил. Он был полностью поглощен чтением.

— А я-то думала, ты умираешь от нетерпения узнать, как я сегодня разгромила Бетти Льюис! — поддела его Кристи.

Бен впервые поднял взгляд от книги.

— Что?

— Я говорю, что разгромила Бетти Льюис сегодня вечером, — повторила жена.

Бен взглянул на нее с отсутствующим выражением. Кристи засмеялась:

— Бетти Льюис! Та, у которой я больше двух геймов подряд в жизни не выигрывала! Я сделала ее — в двух сетах. Шесть-четыре, семь-пять.

— Ах, да, это очень хорошо, — рассеянно сказал Бен и вернулся к чтению.

Кто-то мог бы и обидеться, счесть это грубостью, но только не Кристи. Она знала, что Бен такой человек — увлекающийся. Ничего не поделаешь. Он не просто увлекался — то, чем он занимался, поглощало его до такой степени, что он забывал о существовании всего остального. Она всегда будет помнить, как в аспирантуре он увлекся индейцами. Много месяцев подряд он занимался этой темой и ничем больше. В выходные ездил в резервации или копался в старых книгах в пыльных библиотеках. Приглашал индейцев на ужин. Носил мокасины из оленьей кожи. Кристи уже была готова к тому, что однажды увидит его в боевой раскраске.

Но таким уж он был. Как-то летом она научила его бриджу — не прошло и месяца, как Бен не только стал обыгрывать Кристи, но еще и изводил ее, требуя играть в бридж каждую свободную секунду. Успокоился он только тогда, когда выиграл местный турнир и

перебрал всех достойных соперников в округе. В том, как захватывало его каждое новое приключение, было даже что-то пугающее.

Кристи взглянула на книги, заполонившие кухонный стол, и вздохнула.

— Что на этот раз? Снова индейцы? Астрономия? Поведенческие особенности китов-убийц?

Бен не ответил, и Кристи взяла со стола одну из книг.

— «Взлет и падение Третьего рейха»? — она нахмурилась. — Хочешь стать дипломированным диктатором?

— Не смешно, — пробормотал Бен, не поднимая глаз.

— Ты прав, — согласилась Кристи.

Бен выпрямился и посмотрел на жену.

— Один из моих учеников задал мне сегодня вопрос, на который я не смог ответить.

— И что же это было?

— Похоже, что готового ответа на этот вопрос нигде нет. Возможно, это ответ, который они должны найти сами.

Кристи кивнула.

— Я уже вижу, какая ночь тебе предстоит. Не забудь, что с утра тебе нужно быть в состоянии вести уроки.

— Знаю, знаю, — ответил Бен.

Кристи поцеловала его в лоб.

— Постарайся не разбудить меня, ладно? Если вообще будешь ложиться.

ГЛАВА 5

На следующий день старшеклассники собирались на урок медленно, как всегда. Одни рассаживались по местам, другие стояли и разговаривали. Роберт Биллингс жался у окна и вязал узелки на шнурках жалюзи. Пока он был погружен в это занятие, его неумолимый мучитель Брэд прошел мимо и, потрепав Роберта по спине, приклеил к его рубашке бумажку с надписью «Пни меня».

День начинался как обычно и не обещал ничего выдающегося, пока ребята не заметили, что мистер Росс написал гигантскими буквами через всю доску:

СИЛА В ДИСЦИПЛИНЕ

— Что это значит? — спросил кто-то.

— Я расскажу вам, как только вы сядете, — отвечал Росс. И, когда все расселись, начал свою лекцию. — Сегодня мы будем говорить о дисциплине.

Класс дружно взвыл. Про некоторые уроки заранее было известно, что это страшное занудство, но от истории с мистером Россом ждали иного — уж точно не унылой лекции о дисциплине.

— Пойдите, — сказал Бен ученикам. — Прежде чем делать выводы, давайте попробуем. Может, это будет увлекательно.

— О да, — сказал кто-то.

— Именно — «о да»! — подхватил Бен. — Сейчас, говоря о дисциплине, я говорю о силе, — для убедительности он сжал кулак, — я говорю об успехе. Об успехе с помощью дисциплины. Есть среди вас кто-нибудь, кого не интересуют сила и успех?

— Может, Роберт? — подсказал Брэд. Несколько человек захихикали.

— Погодите, — сказал Бен. — Дэвид, Брайан, Эрик — вы играете в футбол. Вы прекрасно знаете, что для победы нужна дисциплина.

— Должно быть, поэтому мы за два года ни разу не выиграли, — ответил Эрик. Класс загоготал.

На то, чтобы их утихомирить, у Бена ушло несколько минут.

— Смотрите, — Бен указал на хорошенькую рыжеволосую девочку, сидевшую в отличие от других необычайно прямо. — Андреа, ты балерина. Чтобы добиться успеха в балете, нужно долго и упорно тренироваться, не так ли?

Девочка кивнула.

— То же самое — в любом другом виде искусства. Живопись, литература, музыка — чтобы овладеть ими, нужны годы тяжелого труда и дисциплины. Работа, дисциплина и контроль.

— И что? — спросил мальчик, развалившийся на стуле.

— Что? — переспросил Бен. — Я покажу вам что. Предположим, я докажу вам, что дисциплина помогает добиться власти. Предположим, мы сможем добиться этого прямо здесь, в классе. Что вы на это скажете?

Росс был готов к очередным язвительным замечаниям, но их не последовало. Наоборот, лица учеников выражали живой интерес и любопытство. Бен вышел из-за своего стола и вытащил деревянный учительский стул на середину класса, так, чтобы все могли его видеть.

— Итак, дисциплина начинается с осанки, — объявил Бен. — Эми, можно тебя на минутку?

Когда Эми вставала, Брайан передразнил ее:

— «Да, господин учитель»!

Обычно этого было достаточно, чтобы весь класс дружно разразился хохотом, но раздалось лишь несколько смешков.

Эми села на стул, а Бен начал давать ей указания.

— Поставь руки на талию и выпрями спину. Ну что, легче дышать?

Многие стали повторять за Эми. Им и вправду удавалось сесть прямо, но от этого не становилось менее смешно.

— Это у нас история или физкультура? — на этот раз попытался пошутить Дэвид. Кое-кто рассмеялся, не переставая, впрочем, работать над осанкой.

— Брось, Дэвид, — сказал Бен. — Лучше сам попробуй. Хватит упражняться в остроумии.

Дэвид неохотно выпрямил спину. Тем временем Бен ходил между партами, проверяя осанку каждого ученика.

«Забавно, — думал он. — Мне удалось-таки их зацепить. Боже мой, даже Роберт...»

— Класс! — призвал Росс. — Я хочу, чтобы все посмотрели, как параллельно стоят ноги у Роберта. Лодыжки неподвижны, колени согнуты под углом девяносто градусов. Посмотрите, какая прямая спина. Подбородок вперед, голова поднята. Очень хорошо, Роберт.

Роберт поднял глаза на учителя, быстро улыбнулся и вновь напряженно выпрямился. Ребята внимательно смотрели на Роберта, стараясь скопировать его движения.

Бен вернулся к доске.

— Хорошо. Теперь я хочу, чтобы вы все встали и прошлись по классу. По моей команде вы должны вернуться на свои места и правильно сесть. Итак, подъем.

Ученики встали со своих мест и начали прохаживаться. Бен знал, что слишком долго это

длиться не должно, иначе они не смогут сосредоточиться на упражнении, и быстро скомандовал:

— По местам!

Ребята бросились к своим партам. Раздались грохот и ругательства — кто-то на кого-то натыкался, кто-то смеялся — и все же главным звуком был скрип стульев по паркету: они спешили скорее сесть.

Бен сокрушенно покачал головой.

— Полный разброд. Мы не в чехарду играем, а проводим эксперимент с движением и осанкой. Давайте еще раз попробуем. И без болтовни. Чем лучше вы контролируете свои движения, тем быстрее вы займете свои места и примете правильное положение. Все понятно? Итак, начали. Подъем!

Следующие двадцать минут класс учился вставать и после нескольких минут хаотического движения по классу быстро садиться по команде учителя, принимая правильную позу. Бен, отдававший короткие, резкие приказы, напоминал больше сержанта в армии, чем учителя. Как только они освоили это упражнение, Бен усложнил его: они так же должны были встать из-за парт и вернуться, но на сей раз из коридора. И Бен засекал время по часам.

С первой попытки это заняло сорок восемь секунд. Во второй раз вышло ровно полминуты. Перед последней попыткой Дэвида осенило:

— Послушайте, — сказал он товарищам, пока они ждали в коридоре команды мистера Росса, — давайте выстроимся в таком порядке, чтобы те, кто сидит дальше, стояли первыми. Так мы не будем спотыкаться друг об друга.

Все согласились. Когда они выстроились, всем бросилось в глаза, что первым оказался Роберт.

— Наш новый староста, — прошептал кто-то. Они замерли в ожидании сигнала к действию. Бен щелкнул пальцами, и колонна быстро и бесшумно вошла в класс.

Когда последний ученик занял свое место, Бен взглянул на секундомер и улыбнулся:

— Шестнадцать секунд!

Класс радостно загудел.

— Хорошо, хорошо, успокойтесь, — учитель снова встал перед классом. К его удивлению, ребята успокоились очень быстро. Тишина, заполнившая помещение, была почти зловещей. Обычно в классе бывало так тихо только тогда, когда он был пуст.

— Итак, вы должны неукоснительно соблюдать еще три правила. Первое. Каждый должен всегда иметь при себе карандаш и бумагу для записей. Второе. Задавая вопрос или отвечая, вы должны стоять рядом со своим стулом. И третье. Свой вопрос и ответ вы всегда начинаете со слов «Мистер Росс». Все ясно?

Класс согласно закивал.

— Прекрасно.

Мистер Росс продолжил урок.

— Брэд, кто был премьер-министром Великобритании перед Черчиллем?

Брэд нервно грыз ноготь, не вставая с места.

— А это был не...

Но он не успел договорить — мистер Росс резко прервал его.

— Неверно, Брэд. Ты уже забыл все правила, которые я только что объяснил. — Бен бросил взгляд через весь класс на Роберта. — Роберт, покажи Брэду, как правильно отвечать на вопрос!

Роберт в ту же секунду вскочил с места: он был само внимание.

— Мистер Росс!

— Верно. Спасибо, Роберт.

— Какая тупость, — пробурчал Брэд.

— Просто у тебя не получилось, — сказал кто-то.

— Кто был премьер-министром Великобритании перед Черчиллем, Брэд? — повторил Росс.

На сей раз Брэд встал возле своей парты.

— Мистер Росс, э-э-э, это был, ну, премьер-министр...

— Все равно очень медленно, Брэд, — сказал мистер Росс. — Отныне старайтесь отвечать как можно короче и сразу же, как только слышали вопрос. Брэд, попробуй еще раз.

Теперь Брэд вскочил как ошпаренный.

— Премьер-министр Чемберлен!

Росс одобрительно кивнул.

— Вот так и надо отвечать. Ясно, точно, с напором. Андреа, в какую страну вторгся Гитлер в сентябре 1939 года?

Танцовщица Андреа замерла возле своей парты.

— Мистер Росс, я не знаю.

Росс улыбнулся.

— Тем не менее, ответ хороший — правильный по форме. Эми, ты знаешь ответ?

Эми вскочила с места.

— Мистер Росс, Польша.

— Блестяще. Брайан, как называлась политическая партия Гитлера?

Брайан быстро поднялся.

— Мистер Росс, нацистская партия.

Росс кивнул.

— Неплохо, Брайан. Очень быстро. Кто знает официальное название партии? Лори?

Лори встала из-за парты.

— Национал-социалистическая.

— Нет! — линейка мистера Росса со свистом рассекла воздух и с силой ударила по столу. — Еще раз — и правильно.

Лори смущенно села на место. Что она сделала не так? Дэвид перегнулся со своей парты и прошептал ей что-то на ухо. Ах да. Она снова поднялась.

— Мистер Росс, Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

— Верно.

Мистер Росс продолжал задавать вопросы, ученики один за другим вскакивали с мест, горя желанием показать, что они знают и что ответить, и как. Ничего общего с той расслабленной атмосферой, которая обычно царила на уроках! Впрочем, ни Бен, ни ребята об этом не задумывались. Они были слишком увлечены новой игрой. Скорость и точность ответов поражали.

— Питер, кто предложил ленд-лиз?

— Мистер Росс, Рузвельт.

— Верно. Эрик, кого отправляли в лагеря смерти?

— Мистер Росс, евреев.

— А кого еще, Брэд?

— Мистер Росс, цыган, гомосексуалистов и слабоумных.

— Хорошо! Эми, за что их убивали?

— Мистер Росс, за то, что они не принадлежали к высшей расе.

— Точно. Дэвид, кто руководил лагерями смерти?

— Мистер Росс, СС.

— Отлично!

В коридоре звенел звонок, но никто из класса не тронулся с места. Потрясенный тем, что произошло на сегодняшнем уроке, Бен объявлял задание на дом:

— Дочитайте седьмую главу и прочтите первую половину восьмой. На сегодня всё. Все свободны.

— Ни фиги себе! Это было так странно, чувак, такая гонка! — выпалил Брайан с нехарактерным для него восторгом. Он и еще несколько ребят из класса Росса сгрудились в коридоре и не могли разойтись: энергия, полученная на уроке, не отпускала их.

— Раньше я ничего подобного не чувствовал, — признался Эрик.

— Уж точно лучше, чем без конца в тетрадку записывать, — хмыкнула Эми.

— Ага, — согласился Брайан. Он засмеялся, вслед за ним другие.

— Эй, чего ржете, — возмутился Дэвид. — Это и вправду было совсем иначе. Ну типа, когда мы все вместе действовали, мы стали классом. Единым целым стали. Помните, что мистер Росс сказал о силе? Думаю, он прав. Разве вы ее не почувствовали?

— Че-то ты слишком серьезно все воспринял, — сказал Брэд за его спиной.

— Ты так думаешь? — обернулся к нему Дэвид. — Тогда объясни это сам.

Брэд пожал плечами.

— Что объяснять-то? Росс спрашивал, мы отвечали. Всё как всегда, только сидеть нужно было прямо и выходить из-за парты для ответа. Ты слона из мухи делаешь.

— Не знаю, Брэд.

С этими словами Дэвид развернулся и ушел.

— Куда ты? — крикнул вдогонку Брайан.

— В туалет. Догоню вас в столовой.

— О'кей, — ответил Брайан.

— Эй, не забудь сесть прямо! — прокричал Брэд, и все захохотали.

Дэвид толкнул дверь мужского туалета. Может, Брэд и прав — он делает из мухи слона. Но с другой стороны — было ведь это чувство, это ощущение единства. Может быть, на уроке это и не так важно. Ты просто отвечаешь на вопросы, и всё. Но что если то же самое — это ощущение единства, эту энергию — перенести в футбольную команду? В команде у Дэвида были отличные игроки, и его просто бесило, что у них ничего не выходит. Проблема была в неорганизованности и отсутствии мотивации. Дэвид знал: если вдохнуть в команду хотя бы часть той

энергии, что они получили сегодня, его парни порвут любого противника.

Услышав звонок на следующий урок, Дэвид вышел из кабинки, направился к раковине — и резко остановился. В туалете был еще один человек — Роберт. Он стоял перед зеркалом и заправлял рубашку, в полной уверенности, что он один. Тот, кого все привыкли считать козлом отпущения, пригладил волосы и внимательно посмотрел на свое отражение. Потом вдруг напрягся и губы его зашевелились, словно он продолжал отвечать на вопросы учителя истории.

Дэвид, затаившись, наблюдал, как Роберт снова и снова репетирует ответ. Снова и снова.

Той ночью Кристи Росс сидела на краю постели и расчесывала свои длинные каштановые волосы. Бен вынимал из комода пижаму.

— Знаешь, — сказал Бен, — я был уверен, что их это приведет в бешенство — выполнять команды, сидеть ровно, чеканить ответы. А они, наоборот, словно всю жизнь этого ждали. Это было так странно...

— А ты не думал, что для них это просто игра? — спросила Кристи. — Что они просто соревнуются между собой — кто прямее и быстрее?

— Я уверен, что отчасти да. Но тогда ты можешь выбрать, играть или нет. Их никто не заставлял, но они хотели играть в эту игру. И самое странное — когда мы начали, я почувствовал, что они хотят большего. Они хотят, чтобы их дисциплинировали. Научившись одному, они требуют двигаться дальше. Когда прозвенел звонок и никто не двинулся с места, я понял, что для них это больше, чем игра.

Кристи перестала расчесывать волосы.

— Ты хочешь сказать, они остались после звонка?

Бен кивнул.

— Именно.

Жена бросила на него скептический взгляд, но потом улыбнулась.

— Я боюсь, Бен, что ты создал чудовище.

— Да ладно, — усмехнулся Бен.

Кристи отложила щетку и принялась мазать лицо кремом. Бен надевал пижаму. Кристи подождала немного, что он, как обычно, поцелует ее на ночь, но вскоре стало ясно, что этого не произойдет. Он был полностью погружен в свои мысли.

— Бен? — позвала Кристи.

— Да.

— Ты завтра собираешься продолжить свой эксперимент?

— Не думаю. Нам нужно переходить к Японской кампании.

Кристи закрыла баночку с кремом и уютно устроилась в постели. Но Бен по-прежнему сидел на краю кровати. Он рассказал жене, с каким неожиданным энтузиазмом отнеслись к эксперименту его ученики. Но ни слова не сказал о том, что и сам поймался на удочку. Ему было неловко признаться, что такая простая игра захватила и его тоже. А между тем так оно и было. Напористый обмен вопросами и ответами, борьба за идеальную дисциплину — это затягивало, как какой-то гипноз. Успех учеников необычайно радовал его. «Занятно», — думал Бен, забираясь под одеяло.

ГЛАВА 6

То, что произошло на следующий день, совсем уж выходило из ряда вон. Вместо того чтобы, как всегда, дожидаться, пока на урок соберутся ученики, Бен опоздал сам. Он забыл план урока и книгу о Японии в машине и был вынужден умчаться за ними обратно на парковку. Ворвавшись в класс, Бен ожидал застать там полный бедлам, но не тут-то было.

Пять рядов парт, по семь в каждом, были аккуратно выровнены. За каждой партой застыл ученик ровно в той позе, которой Бен научил их накануне. Стояла полная тишина. Бен недоверчиво оглядел свой класс. Быть может, это шутка? Несколько человек с трудом сдерживали улыбку, но сосредоточенных, серьезных, внимательных лиц было гораздо больше. Кое-кто смотрел на него вопросительно: продолжит ли он свой эксперимент? И в самом деле — стоит ли? Это был уникальный опыт, выходящий за рамки всех норм — и это мучило Бена. Чему этот опыт может научить их и его самого? Бен решил, что лучше покончить с неизвестностью и узнать.

— Ну что ж, — сказал Бен и отложил в сторону тетрадь с планом урока. — Что у нас происходит?

Ученики вопросительно смотрели на него.

Бен устремил взгляд на одну из последних парт.

— Роберт!

Роберт Биллингс поспешно выскочил из-за парты.

— Мистер Росс, дисциплина!

— Да, дисциплина, — согласился Росс. — Но это только часть. Есть кое-что еще.

Он повернулся к доске и под лозунгом

СИЛА В ДИСЦИПЛИНЕ

написал:

СИЛА В ЕДИНСТВЕ

Он снова повернулся к классу.

— Чувство локтя — это то, что связывает людей, которые вместе работают и борются за достижение общей цели. Это как строить сарай вместе с соседями.

Кто-то хихикнул. Но Дэвид хорошо понял, о чем говорит мистер Росс. Именно об этом он думал вчера после урока. Командный дух — вот что необходимо его игрокам.

— Это чувство, что ты часть чего-то более важного, чем ты сам, — говорил мистер Росс. — Вы движение, команда, сила. Вы целиком и полностью отдаетесь чему-то...

— Да отдаемся мы, отдаемся... — пробурчал кто-то, но соседи зашикали на него.

— Как и в случае с дисциплиной, чтобы понять до конца, что такое чувство локтя, вы должны это испытать, — объявил Росс. — С сегодняшнего дня у нас будет два лозунга: «Сила в дисциплине» и «Сила в единстве». А теперь повторим наши лозунги.

Ученики встали из-за парт и хором грянули:

— Сила в дисциплине, сила в единстве.

Но некоторые не участвовали в декламации, а продолжали сидеть на своих местах, испытывая явную неловкость. Среди них были Брэд и Лори. Мистер Росс требовал произносить девизы снова и снова. Наконец поднялась Лори, а следом за ней и Брэд. И вот уже весь класс вышел из-за парт, повторяя то, что было приказано.

— Нам нужна эмблема нашего нового сообщества, — сказал мистер Росс. Он снова повернулся к доске и, подумав мгновение, нарисовал круг, а внутри — волнистую линию. — Это будет наш символ. Волна символизирует перемены. Это движение, направление, сила. Отныне наше сообщество, наше движение будет называться «Волна».

Он сделал паузу и оглядел класс, напряженно ловивший каждое его слово.

— А вот так мы будем приветствовать друг друга, — с этими словами Росс изогнул правую руку в форме волны, ударил ею по левому плечу и затем выбросил вперед. — Класс, отдать салют!

Класс отдал салют. У кого-то это получилось не сразу — они ударяли по правому плечу вместо левого. Другие и вовсе забыли ударить себя по плечу.

— Еще раз! — потребовал Росс и снова показал им приветствие. Он повторял упражнение до тех пор, пока все не освоили салют в совершенстве.

— Хорошо, — наконец сказал учитель, и класс охватило то же ощущение силы и единства, что и накануне. — Этот салют — наш и только наш. Когда вы видите члена движения «Волна», вы должны отдать салют. Роберт, отдай салют и скажи лозунги.

Став по стойке смирно возле парты, Роберт салютовал и выкрикнул:

— Мистер Росс, сила в дисциплине, сила в единстве.

— Очень хорошо. Питер, Эми и Эрик, отдайте салют и произнесите лозунги вместе с Робертом.

Четверо студентов согласно отдали салют и проскандировали:

— Сила в дисциплине, сила в единстве!

— Брайан, Андреа, Лори, — скомандовал мистер Росс, — вступайте вместе с ними.

Теперь уже семеро ритмично выкрикивали девиз, потом к ним подключились еще семеро, еще и еще — и

вот уже весь класс дружно салютовал и повторял лозунги.

— Сила в дисциплине, сила в единстве!

«Как солдаты, — подумал Росс. — Совсем как солдаты».

Дэвид и Эрик сидели на полу в спортзале уже переодетые в форму. Они яростно спорили в ожидании тренировки.

— Да ерунда это, — Эрик сердито затягивал шнурки на бутсах. — Это игра, в которую мы играем на истории, и ничего больше.

— Но это же не значит, что она не сработает! — возражал Дэвид. — Для чего она нам тогда вообще? Чтоб держать ее в тайне от всех? Говорю тебе, Эрик, это то, что нужно нашей команде!

— Ну пойдی Расскажи это тренеру Шиллеру. Я не пойду, — отвечал Эрик.

— Чего ты боишься? — недоумевал Дэвид. — Ты думаешь, мистер Росс меня накажет, если я кому-то еще расскажу про «Волну»?

Эрик пожал плечами.

— Нет, дружище. Думаю, они поржут, и всё.

Из раздевалки вышел Брайан и уселся на пол рядом с ними.

— Слушай, — обратился к нему Дэвид, — что ты думаешь насчет того, чтобы всю остальную команду посвятить в «Волну»?

Брайан поправил накладные плечи и задумался.

— А ты как считаешь, «Волна» остановит этого двухсотдвадцатифунтового громилу из Кларкстона? — поинтересовался он. — Клянусь, я больше ни о чем вообще сейчас не думаю! Как представляю себе, что прошу пас — а тут этот толстяк в кларкстонской майке. Наступает на моего центрального, сминает гардов в

лепешку... Такой здоровый, что я ни вправо, ни влево, ни перекинуть через него не могу...

Брайан стал кататься по полу, изображая, будто на него надвигается нечто ужасное.

— Оно приближается!!! А-А-А-А!

Эрик и Дэвид засмеялись, и Брайан снова сел.

— Я что хочешь сделаю. Овсянку буду есть, вступлю в «Волну», сделаю домашку. Только чтоб остановить слона этого.

Вокруг них собирались всё новые игроки, среди них — одиннадцатиклассник по имени Дойч, запасной квотербек. Всем без исключения было известно, что Дойч ничего так не хотел, как занять место Брайана. Вполне понятно, что они не ладили.

— Я слышал, ты боишься ребят из Кларкстона? — спросил Дойч у Брайана. — Только скажи, чувак, я тебя заменю.

— Тебя только введи в игру — у нас вообще шансов не будет, — парировал Брайан.

Дойч презрительно фыркнул.

— Ты в первом составе только потому, что ты в выпускном классе.

Брайан, сидевший на полу, взглянул на Дойча снизу вверх.

— Чувак, ты самое бездарное чмо, которое я видел в жизни, — сказал он.

— Кто бы говорил, — огрызнулся Дойч.

В следующую секунду Брайан был уже на ногах и бросился на Дойча с кулаками. Дэвид вырос между ними.

— Вот об этом я и говорю! — заорал он, расталкивая их. — Мы должны быть командой! Мы должны поддерживать друг друга! У нас ничего не выходит потому, что мы друг с другом боремся!

В зале было уже довольно много народу.

— О чем это он? — спросил какой-то мальчик.

Дэвид обернулся к нему:

— Я говорю о единстве. Я говорю о дисциплине. Мы должны начать действовать как команда. У нас должна быть общая цель. Твоя задача не в том, чтобы занять место другого! Твоя задача — помочь команде выиграть.

— А я могу помочь команде выиграть, — отвечал Дойч. — Нужно всего лишь, чтобы тренер ввел меня в первый состав.

— Нет, парень! — снова заорал Дэвид. — Кучка самовлюбленных эгоистов — это не команда! Ты знаешь, почему в этом году у нас такой плохой результат? Потому что мы — двадцать одна команда, состоящая ровно из одного человека в форме «Гордон Хай». Ты хочешь быть в первом составе команды, которая никогда не победит, — или запасным в команде победителей?

Дойч пожал плечами.

— Да надоело проигрывать, — раздался чей-то голос.

— Точно, — вторил ему другой, — достало. Нас в школе уже всерьез никто не воспринимает.

— Да я согласен только воду на поле разносить, если мы выигрывать от этого начнем, — отозвался третий.

— Что ж, мы можем выиграть, — сказал Дэвид. — Я не говорю, что в эту субботу мы сумеем разгромить Кларкстон. Но если мы начнем вести себя как команда, я уверен — в этом году несколько игр будут наши.

Большинство футболистов уже собрались вокруг Дэвида, и по их лицам было видно, что им интересно.

— О'кей, — сказал кто-то. — Так что нам делать?

Дэвид замешкался. Ответом на вопрос «Что делать?» была «Волна». Но кто он такой, чтобы рассказывать им об этом? Он сам узнал о «Волне»

только вчера. Вдруг он почувствовал, как кто-то пихает его в бок.

— Расскажи им, — прошептал Эрик. — Расскажи им о «Волне».

«Какого черта», — подумал Дэвид.

— Вот что, — громко сказал он, — сначала нужно выучить девиз. А потом — салют.

ГЛАВА 7

В тот вечер Лори рассказала своим родителям о двух последних уроках истории. Все собрались в столовой и заканчивали ужин. Большую часть времени отец в подробностях расписывал свои победы в гольфе — все семьдесят восемь мячей, один за другим. Мистер Сондерс возглавлял подразделение большой компании, производившей полупроводники. Мама говорила, что она совсем не против его увлечения гольфом, поскольку оно, без сомнения, помогает ему снять стресс. Она не понимала, как именно это происходит, но коль скоро он возвращается домой в хорошем настроении — пусть.

Лори была с этим согласна, хотя слушать папины рассказы об игре порой было скучно до зевоты. Но зато он легко ко всему относился — не то что мать, которая была вечно на взводе, словно только и ждала повода попсиховать. Правда, Лори в жизни не встречала женщины умнее. Миссис Сондерс фактически возглавляла окружную Женскую лигу избирателей и была столь сведуща в политике, что начинающие политические деятели, баллотирующиеся в местные органы власти, всегда советовались с ней.

Когда все было хорошо, Лори получала массу удовольствия от общения с матерью. У нее всегда была куча идей, с ней можно было говорить часами. Но когда у девочки были проблемы или просто плохое настроение, от матери не было спасения: от нее невозможно было ничего скрыть. А стоило Лори в конце концов признаться, в чем дело, мать ни на секунду не оставляла ее в покое.

Лори заговорила о «Волне» прежде всего потому, что не могла выдержать больше ни слова о гольфе. Да и мама устала, это было видно. Последние четверть часа

миссис Сондерс сосредоточенно отскребала ногтем воск от скатерти.

— Это было невероятно, — рассказывала Лори. — Все как один салютовали и повторяли девиз. Втягиваешься против воли. Ты начинаешь хотеть, чтобы это сработало, чувствуешь эту энергию, которая поднимается вокруг.

Миссис Сондерс отвлеклась от скатерти и внимательно посмотрела на дочь.

— Я не могу сказать, что мне это нравится, Лори. Какая-то военщина.

— Мама! — воскликнула Лори. — Ты вечно все не так понимаешь. Ничего похожего. Чтобы понять, почувствовать эту положительную энергию класса, там просто надо быть.

Мистер Сондерс согласился.

— Честно говоря, я поддерживаю любой способ заставить детей в наши дни хоть чем-то заниматься.

— А это как раз и происходит, мам! — сказала Лори. — Даже самые тупые включены в процесс. Знаешь Роберта Биллингса, над которым все смеются? Даже он стал частью коллектива. И вот уже два дня никто к нему не цепляется. Скажи, разве это плохо?

— Но вы должны изучать историю, а не становиться частью коллектива, — возразила миссис Сондерс.

— Знаешь ли, — отозвался ее муж, — эту страну построили люди, которые были частью коллектива — Пилигримы, отцы-основатели. Я не думаю, что умение сотрудничать повредит Лори. Если бы у нас на заводе люди кооперировались вместо того, чтобы гадить исподтишка и ставить друг другу подножки, мы бы так не отстали в производстве в этом году.

— Я не говорила, что кооперироваться — плохо, — парировала миссис Сондерс. — И все же люди должны поступать по-своему. Если мы говорим о величии этой

страны, то оно — в людях, которые не боялись действовать самостоятельно и независимо.

— Мам, я правда думаю, что ты все не так понимаешь, — сказала Лори. — Просто мистер Росс придумал способ вовлечь всех до одного. А домашних заданий никто не отменял, так что про историю мы не забыли.

Но мать это не успокоило.

— Все это прекрасно. Но я не думаю, что тебе это пойдет на пользу, Лори. Милая, мы растили тебя как личность.

Отец Лори повернулся к жене.

— Мидж, тебе не кажется, что ты принимаешь это слишком близко к сердцу? Немного командного духа не повредит ребятам.

— Конечно, мам! — с улыбкой подхватила Лори. — Ты ведь сама все время говоришь, что я слишком независимая!

Миссис Лори даже не улыбнулась.

— Просто имей в виду, дорогая, — то, что нравится всем, не всегда хорошо.

— Ох, мама, — вздохнула Лори, расстроенная тем, что миссис Сондерс не хочет прислушаться к ее доводам, — то ли ты нарочно, то ли и правда ничего не понимаешь.

— Послушай, Мидж, — поддержал ее отец, — я уверен, что их историк прекрасно знает, что делает. Я не понимаю, зачем ты раздуваешь из этого проблему.

— А ты не считаешь, что позволять учителю таким образом манипулировать учениками — опасно? — не сдавалась миссис Сондерс.

— Мистер Росс не манипулирует нами! — возмутилась Лори. — Это у нас один из лучших учителей. Он знает, что делает, и ведь это для нашей же пользы. Я бы мечтала, чтобы у других учителей было так же интересно на уроках!

Миссис Сондерс была готова продолжить спор, но ее муж сменил тему.

— А где у нас сегодня Дэвид? — спросил он. — Он не придет?

Дэвид часто приходил по вечерам, обычно под предлогом того, что им с Лори нужно вместе позаниматься. Но дело всегда кончалось увлеченной беседой с мистером Сондерсом о спорте или инженерном деле. С тех пор как Дэвид решил учиться на инженера, как мистер Сондерс, у них появилось множество общих тем. К тому же отец Лори тоже в свое время играл в школьной футбольной команде. Миссис Сондерс как-то сказала дочери, что это союз, заключенный на небесах.

Лори покачала головой.

— Он дома, делает историю на завтра.

Миссис Сондерс сделала удивленное лицо.

— Дэвид учится? Вот теперь и вправду есть о чем беспокоиться.

Поскольку и Бен, и Кристи работали в школе на полную ставку, все остальные дела — готовку, уборку, покупки и другие хозяйственные заботы — они привыкли делить поровну. В тот день Кристи повезла свою машину в мастерскую менять глушитель, а Бен взял на себя обед. Но после урока его охватило такое беспокойство, что он не мог заставить себя готовить. Он заехал в китайский ресторан, торгующий навынос, и купил там эграллов и омлет фу-юн.

Когда Кристи вернулась домой, на столе снова были не тарелки, а книги. Оглядев бумажные пакеты на кухонной стойке, она спросила:

— Это что, обед?

Бен поднял глаза от книг.

— Прости, Крис. У меня голова полностью занята этим классом. И мне столько еще нужно прочесть, что я решил не тратить время на готовку.

Кристи кивнула. Такое происходило далеко не всегда, когда была его очередь готовить. На этот раз можно его простить. Она принялась распаковывать китайские коробочки.

— Как движется твой эксперимент, доктор Франкенштейн? Твои чудовища еще не восстали против тебя?

— Наоборот, — отвечал Бен, — большинство превращается в людей!

— Не может быть.

— Оказалось, что они читают все, что им задают, — продолжил Бен, — а некоторые даже забегают вперед. Как будто им вдруг страшно понравилось быть готовыми к уроку.

— Или они стали бояться оказаться неготовыми.

Бен проигнорировал ее замечание.

— Нет, я и вправду думаю, что они стали лучше. И уж точно лучше себя ведут.

Кристи покачала головой.

— Трудно поверить, что это те же дети, с которыми я занимаюсь музыкой!

— Удивительно, — сказал Бен, — им нравится, когда решения принимают за них.

— Конечно, так им напрягаться меньше! — ответила Кристи. — Не нужно самим думать. Но пожалуйста, перестань читать и освободи место, чтобы мы могли поесть.

Бен расчистил кусочек стола, и Кристи поставил туда еду. Когда он встал, она решила, что он собирается ей помочь, но вместо этого Бен принялся мерить шагами кухню, погруженный в свои мысли. Кристи продолжила заниматься обедом, но теперь она тоже думала о «Волне». Что-то в этом смущало ее, и это

что-то крылось, например, в тоне Бена, которым он говорил об этом классе, — как будто они были теперь лучшими учениками, чем остальные дети в школе.

Сев за стол, она спросила:

— Насколько далеко ты готов зайти, Бен?

— Не знаю, — ответил Росс. — Но интересно было бы посмотреть, что получится...

Кристи наблюдала, как он ходит взад-вперед по кухне: мысли не отпускали его.

— Почему бы тебе не сесть? — предложила она. — Твой фу-юн совсем остынет.

— Ты знаешь, — сказал Бен, наконец сядя за стол, — забавно, что меня эта штука тоже затягивает. Это заразно.

Кристи кивнула. Еще бы!

— Быть может, ты становишься морской свинкой в собственном эксперименте, — сказала она. Кристи нарочно произнесла эти слова как шутку, но ей очень хотелось, чтобы Бен услышал в них предостережение.

ГЛАВА 8

Дэвид и Лори жили неподалеку от школы и ходили туда пешком. Дэвиду было вовсе необязательно идти мимо дома Лори. Но в десятом классе он впервые заметил ее — и изменил свой привычный маршрут. С тех пор он ходил в школу только по ее улице в надежде встретить ее. Поначалу они встречались всего раз в неделю. Но постепенно он изучил ее привычки, и к весне они уже почти каждый день ходили в школу вместе. Дэвид был уверен, что ему просто везет — или удастся правильно рассчитать время. Ему и в голову не приходило, что Лори стояла у окна и ждала, пока он появится. Однажды она сделала вид, что случайно с ним столкнулась. А потом они стали случайно сталкиваться все чаще...

В то утро по дороге в школу Дэвид фонтанировал идеями.

— Говорю тебе, Лори, — возбужденно говорил он, — это как раз то, что нужно команде!

— Команде нужен, — начала Лори, — квотербек, который умеет пасовать, ранингбек, который не теряет мяч, парочка лайнбекеров, которые не боятся никого завалить...

— Прекрати, — перебил ее Дэвид. — Я серьезно. Вчера я рассказал команде про «Волну». Брайан и Эрик помогли. И парни реально прониклись! Мы, конечно, сразу лучше играть не стали, но я почувствовал — появился командный дух, реально появился! И Шиллер прямо обалдел. Сказал, что команда — как новая.

— А маме кажется, что это похоже на промывание мозгов, — сказала Лори.

— Что?

— Она говорит, что мистер Росс нами манипулирует.

— Это бред, — отрезал Дэвид. — С чего она взяла? И потом, какая тебе разница, что говорит твоя мать? Ты же знаешь, она беспокоится по каждому пустяку.

— Я же не сказала, что я с ней согласна, — заметила Лори.

— Но ты не сказала, что не согласна, — возразил Дэвид.

— Я тебе просто пересказала ее слова, вот и все, — ответила Лори.

Но Дэвид не унимался.

— И вообще, как она узнала? Она все равно про «Волну» ничего не поймет — для этого надо быть на уроке и видеть, как это работает! Родители вечно думают, что всё обо всем знают!

Лори вдруг страшно захотелось поспорить с ним, но она сдержалась. Ей не хотелось ссориться с Дэвидом по пустякам. Она не любила с ним ругаться. К тому же, для футбольной команды «Волна» могла прийти очень кстати. Им нужно было хотя бы что-то. И она решила сменить тему.

— Ты нашел того, кто тебе поможет с математикой? Дэвид пожал плечами.

— Нет, все, кто хоть что-нибудь сечет, учатся в нашем классе.

— Ну и попроси кого-то из наших.

— Ни за что! — воскликнул Дэвид. — Не хочу, чтобы они знали про мои проблемы.

— Почему? — удивилась Лори. — Я уверена, что кто-нибудь тебе поможет.

— Конечно, поможет, — кивнул Дэвид. — Только я этого не хочу.

Лори вздохнула. В школе все вечно соревновались друг с другом из-за оценок и положения в классе, но никто не придавал этому такого значения, как Дэвид.

— Ну что ж, — сказала она. — Эми промолчала тогда за обедом, но если ты никого больше не найдешь,

думаю, она сумеет тебе помочь.

— Эми?

— Она здорово разбирается в математике, — объяснила Лори. — Расскажи ей, в чем проблема, и она справится за десять минут.

— Но я же ее спрашивал! — удивился Дэвид.

— Она просто застенялась, — сказала Лори. — Ей нравится Брайан, и она боится напугать его, показавшись чересчур умной.

Дэвид рассмеялся.

— Пусть не беспокоится! Напугать его может только тот, кто одет в форму Кларкстона и весит двести фунтов.

В тот день, войдя в класс, ребята обнаружили на задней стене большой плакат с символическим изображением волны. Мистер Росс был одет необычно: на нем был синий костюм, белая рубашка и галстук. Пока ученики рассаживались, он ходил по классу, раскладывая по столам маленькие желтые карточки.

Брайан ткнул Лори локтем.

— Еще ведь не время для отчета об успеваемости, — прошептал он.

Лори внимательно посмотрела на свою карточку.

— Это членский билет «Волны», — прошептала она в ответ.

— Что? — прошипел Брэд.

— Итак, — мистер Росс громко хлопнул в ладоши. — Прекратить разговоры.

Брэд послушно уселся на стул. Лори было понятно его удивление. Членские билеты? Это не шутка? Тем временем мистер Росс все раздал и вышел на середину класса.

— Теперь у всех есть членские билеты, — объявил он. — Переверните их. На обратной стороне некоторые из вас увидят красный крестик. Если вы его

обнаружили, значит, вы назначены старостой и обязаны прямо докладывать мне обо всех членах движения, которые не соблюдают правила «Волны».

Ребята принялись искать на своих карточках красные крестики. Некоторые из тех, кто их нашел, — например, Роберт и Брайан, — сияли. Остальные, включая Лори, были не так воодушевлены.

Лори подняла руку.

— Слушаю, Лори, — сказал Бен.

— А... зачем вообще все это? — спросила Лори.

В классе стало очень тихо. Бен ответил не сразу.

— Ты ничего не забыла?

— Ах, да, — Лори вышла из-за парты. — Мистер Росс, зачем нужны эти карточки?

Бен ждал этого вопроса. Но ответ на него не так очевиден на первый взгляд. Пока он объяснил это так:

— Это пример того, как движение может само себя контролировать.

Больше вопросов у Лори не было. Бен повернулся к доске и добавил к написанному на ней

СИЛА В ДИСЦИПЛИНЕ СИЛА В ЕДИНСТВЕ

еще одно:

СИЛА В ДЕЙСТВИИ

— Теперь, когда мы знаем, что такое дисциплина и единство, нам предстоит научиться действовать, — объявил он. — На самом деле, дисциплина и единство ничего не стоят без действия. Дисциплина дает право на действие. Дисциплинированная группа, у которой есть цель, может предпринять действие, чтобы достичь

этой цели. Более того, она должна действовать! Ответьте мне на вопрос — вы верите в «Волну»?

После секундного колебания ребята вскочили с мест и хором выкрикнули:

— Мистер Росс, да!

Мистер Росс кивнул.

— Тогда вы должны начать действовать. Никогда не бойтесь поступать согласно своим убеждениям. «Волна» должна работать как слаженный механизм. Самоотверженный труд и преданность товарищам помогут вам быстрее учиться и достигнуть большего. Но только если вы будете поддерживать друг друга, работать сообща и подчиняться правилам, «Волна» добьется успеха.

Вытянувшись в струнку возле своих парт, ребята ловили каждое слово учителя. Лори Сондерс тоже стояла со всеми, но не ощущала ни восторга, ни мощного прилива энергии, как в предыдущие дни. То, что происходило в классе сегодня — это единодушие, это беспрекословное подчинение мистеру Россу, — казалось ей чуть ли не отвратительным.

— Сядьте, — велел мистер Росс, и класс послушно сел. Учитель продолжил:

— Несколько дней назад, когда появилась «Волна», я заметил, что вы начали соревноваться — кто лучше ответит, кто окажется лучшим участником движения. Я хочу положить этому конец. Вы не соревнуетесь друг с другом — вы работаете сообща для достижения общей цели. Вы должны считать себя командой. Помните, в «Волне» все вы равны. Никто не должен считать себя главнее или популярнее других, никто не должен оставаться в стороне. Единство означает равенство всех членов команды. Теперь что касается действия. Первое, чем мы займемся, — это привлечение новых членов. Чтобы стать членом «Волны», нужно

продемонстрировать знание наших правил и дать клятву соблюдать их.

Дэвид улыбнулся Эрику, который радостно подмигнул ему. Эрик ждал этих слов. Подключать к «Волне» других ребят — это правильно. Это хорошо для всех, а особенно — для футбольной команды.

Мистер Росс не собирался больше говорить о «Волне». Оставшуюся часть урока он намеревался посвятить разбору домашнего задания. Но тут поднял руку мальчик по имени Джордж Снайдер.

— Я слушаю, Джордж.

Джордж вскочил с места.

— Мистер Росс, я первый раз в жизни участвую в великом... — воскликнул он, — ... в великом деле.

Все удивленно уставились на Джорджа. Под пристальными взглядами одноклассников он смутился и уже хотел сесть. Но тут встал Роберт.

— Мистер Росс, — гордо произнес он. — Я понимаю, о чем говорит Джордж. Ты словно заново рождаешься.

Не успел он сесть, как поднялась Эми.

— Джордж прав, мистер Росс. Я чувствую то же самое.

Дэвид был доволен. Выступление Джорджа было немного неуклюжим, но когда то же самое сделали Роберт и Эми, оказалось, что он не один и теперь ему не так неловко. Вот это было здорово в «Волне». Они поддерживали друг друга. И он встал и сказал:

— Мистер Росс, я горжусь «Волной».

Неожиданная потребность ребят выразить свое отношение к «Волне» удивила Бена. Он был твердо намерен перейти к теме урока, но вдруг почувствовал, что не должен их прерывать. Почти подсознательно он ощутил, как сильно они хотят, чтобы он повел их за собой, и не смог им в этом отказать.

— Отдать салют! — выкрикнул Бен.

Ученики повскакивали с мест и отдали салют. За эти последовали лозунги:

— Сила в дисциплине, сила в единстве, сила в действии!

Когда Мистер Росс собирал работы, ребята снова вскочили и уже без всякой команды принялись отдавать салют и выкрикивать девиз. Потом класс погрузился в тишину. Мистер Росс пораженно оглядел своих учеников. «Волна» не была больше отвлеченной идеей или игрой. Это было живое, настоящее движение. Они и были «Волной», и Бен вдруг понял, что они смогут действовать дальше сами, без него, если захотят. Можно было испугаться этой мысли, но Бен был уверен, что как лидер контролирует ситуацию. Просто эксперимент становится гораздо более интересным.

В этот день за обедом в школьной столовой участники «Волны» сели за один длинный стол. Среди них были Брайан, Брэд, Эми, Лори и Дэвид. Роберт Биллингс было засомневался, но Дэвид, заметив его, настоял, чтобы он сел вместе со всеми.

Большинство ребят были в восторге от того, что происходило на уроке мистера Росса, и Лори не стала с ними спорить. И все же от этих салютов и выкриков у нее осталось странное чувство. Наконец, дождавшись паузы в разговоре, она спросила:

— А никому не кажется, что это как-то странно?

Дэвид обернулся к ней:

— Что ты хочешь сказать?

— Не знаю, — ответила Лори. — Но ненормально как-то, разве нет?

— Просто это ни на что не похоже, — сказала Эми. — Вот и кажется, что странно.

— Точно, — подхватил Брэд. — Потому что мажоров больше нет. Блин, вот что меня в школе доставало порой, так это отдельные тусовки. Как будто постоянно есть рейтинг популярности. А в «Волне» по-другому, и

это круто. Не надо быть популярным. Все равны. Мы часть одного движения.

— А вы думаете, всем это нравится? — спросила Лори.

— А ты знаешь кого-нибудь, кому не нравится? — возразил Брэд.

Лори почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Я не уверена, что это нравится мне.

Неожиданно Брайан вытащил что-то из кармана и протянул Лори.

— Эй, не забудь.

Это была его членская карточка с красным крестиком на обороте.

— Что не забыть? — Лори недоуменно пожала плечами.

— Что мистер Росс велел сообщать о тех, кто нарушает правила.

Лори была потрясена. Не может быть, чтобы Брайан говорил серьезно. Нет, вот же он улыбается. Лори расслабилась.

— Вообще-то Лори не нарушает никаких правил, — сказал Дэвид.

— Если она действительно против «Волны», то нарушает, — раздался голос Роберта.

Все, кто сидел за столом, разом замолчали от неожиданности. Роберт так редко открывал рот, что многие ни разу не слышали его голоса.

— Я хочу сказать, — нервно продолжил он, — идея «Волны» в том, что участники должны полностью ее поддерживать. Если мы и вправду одно целое, мнение у нас должно быть одно.

Лори собиралась что-то сказать, но осеклась. Ведь это «Волна» придала Роберту смелости сесть вместе со всеми и вступить в общий разговор. Если она сейчас выступит против «Волны», это будет означать, что

Роберт снова должен уйти за отдельный стол и перестать быть частью «единого целого».

Брэд похлопал Роберта по спине.

— Я рад, что ты с нами, — сказал он.

Роберт покраснел и повернулся к Дэвиду.

— Он ничего мне на спину не приклеил? — спросил он. Все дружно засмеялись.

ГЛАВА 9

Бен Росс сам не до конца понимал, как относиться к «Волне». Скромный эксперимент на уроке истории в одном классе перерос в повальное увлечение, охватившее всю школу. Стали происходить совершенно непредвиденные вещи. Учеников на уроке истории становилось больше день ото дня — ребята, у которых был свободный урок, или обед, или время самостоятельной подготовки, приходили, чтобы тоже приобщиться к «Волне». Привлекать новых членов оказалось гораздо легче, чем Бен мог предположить. Успех был невероятный. Бен даже подозревал, что кое-кто прогуливает другие уроки, чтобы попасть к нему.

Несмотря на разросшийся класс и на то, что во время урока приходилось то и дело повторять салют и лозунги, они не отставали от программы — и это было поразительно. Они успевали сделать всё, и даже больше. Путем кратких вопросов и ответов — методики, возникшей благодаря «Волне», — класс быстро разобрался с ролью Японии во Второй мировой. Бен заметил, что ребята теперь лучше готовились к уроку и активнее участвовали в нем, но думать стали гораздо меньше. Они бойко выкрикивали ответы, но не пытались анализировать и своих вопросов не задавали. Бен, конечно, не мог их ни в чем обвинять — ведь он сам обучил их принципам «Волны». Это была просто еще одна неожиданность.

Судя по всему, ребята поняли: плохая учеба не для «Волны». Пришлось готовиться к занятиям так хорошо, чтобы успеть все сделать за пол-урока. Но Бен не знал, стоит ли этому радоваться. С домашними заданиями все наладилось, но развернутым, продуманным ответам ребята стали предпочитать короткие. С тестами, где

нужно выбрать правильный из нескольких вариантов ответа, они все справились бы легко. А вот насчет письменного экзамена у Бена были сомнения.

Еще один любопытный поворот — Бен с удивлением узнал, что Дэвид Коллинз и его друзья Эрик и Брайан подключили к «Волне» футбольную команду. Вся школа уже несколько лет упражнялась в остроумии по поводу постоянных проигрышей футболистов «Гордон Хай». Тренер команды, учитель биологии Норм Шиллер, был так этим удручен, что порой месяцами не разговаривал с коллегами. Но сегодня утром в учительской он поблагодарил Бена за то, что тот придумал «Волну». Чудесам, казалось, не было конца.

Бен пытался понять, что так привлекало в «Волне» подростков. Некоторые в ответ на его расспросы говорили, что дело было в новизне, в непохожести — как с любой модой. Другим нравилась демократичность «Волны» — то, что в ней все были равны. Этот ответ очень радовал Росса. Ему было приятно думать, что он помог положить конец бесконечным соревнованиям, кто круче, делению на разные компании и группировки. Прежде это занимало слишком много места в жизни его учеников. Кое-кто из ребят говорил даже, что укрепление дисциплины пошло им на пользу. Это удивило Бена. В последнее время школьная дисциплина стала личным делом каждого. Если ученики сами не следили за ней, учителя не спешили вмешиваться. А быть может, напрасно, думал Бен. Он уже мечтал о заголовке в «Таймс»:

Дисциплина вновь шагает в классы:
откровения учителя

Лори Сондерс с шариковой ручкой в зубах сидела на парте в редакции школьной газеты. Вокруг нее на партах расположились сотрудники «Листка» — кто грыз ногти, кто жевал жвачку. Алекс Купер слушал радио в наушниках и раскачивался под музыку. Еще один репортер приехал на роликах. Ничего особенного, обычное собрание редколлегии.

— Итак, всё у нас как обычно, — объявила Лори. — Газета должна выйти на следующей неделе, а материалов нет.

Лори взглянула на девочку с роликами.

— Джини, ты обещала сделать репортаж о моде. Где он?

— Да что-то никто в этом году не носит ничего интересного, — ответила Джини. — Вечно одно и то же: джинсы, кроссовки и футболки.

— Ну напиши тогда о том, что никаких новых тенденций нет, — резюмировала Лори и повернулась к коллеге в наушниках. — Алекс!

Алекс продолжал ритмично раскачиваться.

— Алекс! — крикнула Лори.

Сосед Алекса пихнул его в бок, тот очнулся и посмотрел на Лори:

— А, да!

Лори закатила глаза.

— Алекс, у нас редколлегия!

— Серьезно? — изобразил удивление Алекс.

— Очень. Где твой музыкальный обзор для этого номера? — спросила Лори.

— А, о, да, музыкальный обзор, точно, ага, да, — сказал Алекс. — Дело в том, что, понимаешь, я уже собрался написать его, но, помнишь, я говорил, что улечу в Аргентину?

Лори снова закатила глаза.

— Так вот, ничего не вышло, — продолжал Алекс. — Вместо этого мне пришлось улететь в Гонконг.

Лори обратилась к приятелю Алекса Карлу.

— Тебе, надо думать, пришлось отправиться в Гонконг вместе с ним? — саркастически спросила она.

Карл отрицательно покачал головой.

— Нет, — ответил он, — я ездил в Аргентину, как и собирался.

— Понятно, — констатировала Лори. Она оглядела редакцию «Листка». — Остальные, очевидно, тоже носились как угорелые по всему земному шару и ничего не написали.

— Я в кино ходила, — сказала Джини.

— Написала рецензию? — спросила Лори.

— Нет, фильм был слишком хороший, — ответила девочка на роликах.

— Слишком хороший? — переспросила Лори.

— Неинтересно писать рецензии на хорошие фильмы, — пояснила девочка.

— Точно, — подхватил Алекс. — Что за радость писать рецензию на хороший фильм, если ничего плохого о нем не скажешь! Интересно писать про плохое. Можно прямо-таки порвать его в клочья, хе-хе-хе.

И Алекс принялся потирать руки, изображая Безумного Профессора. Этот номер ему удавался лучше всех в школе. Еще он отлично изображал виндсерфера, попавшего в шторм.

— Нам срочно нужны статьи в газету, — решительно сказала Лори. — У кого есть идеи?

— Может, про новый школьный автобус? — предложил кто-то.

— Гениально!

— Я слышал, что Габонди берет творческий отпуск на весь следующий год.

— Хорошо бы он не вернулся.

— Какой-то десятиклассник вчера кулаком стекло разбил. Хотел доказать, что можно пробить дыру в окне

и не пораниться.

— Удалось?

— Не-а, двенадцать швов наложили.

— Эй, минуточку, — сказал Карл. — А как насчет «Волны»? Все хотят понять, что это такое.

— Лори, у тебя же историю Росс ведет? — спросил другой репортер.

— Это вообще-то самый интересный сюжет, — поддержал третий.

Лори кивнула. Она отлично понимала, что «Волна» достойна репортажа, а то и целой полосы. Пару дней назад ей даже подумалось, что нечто подобное «Волне» — как раз то, что нужно аморфной, неорганизованной редакции «Листка». Но потом Лори отказалась от этой идеи. Она не могла бы внятно объяснить, почему. Это было смутное чувство неприязни, которое росло где-то внутри, и оно подсказывало, что с «Волной» стоит вести себя осторожнее. Пока ничего плохого не произошло: «Волна» отлично работала на уроках мистера Росса и, по словам Дэвида, помогла футбольной сборной. И все же Лори опасалась ее.

— Так что с ней, Лори? — спросил кто-то.

— С «Волной»? — переспросила она.

— Как же ты до сих пор никому не поручила сделать о ней репортаж? — недоумевал Алекс. — Приберегаешь все самое лучшее для себя?

— Не думаю, что кто-нибудь знает о «Волне» достаточно, чтобы писать о ней, — сказала Лори.

— Что ты хочешь сказать? Ты же сама состоишь в «Волне»! — удивился Алекс.

— Ну состою, — ответила Лори. — Только я все равно... все равно не знаю.

Кое-кто нахмурился.

— Я думаю, нужно написать хотя бы о том, что «Волна» существует, — заявил Карл. — В смысле, столько народу гадают, что это такое!

Лори кивнула.

— Ладно, вы правы. Я попробую объяснить всем, что это такое. Но тогда и вы кое-что сделайте — пока у нас есть несколько дней до выхода газеты. Постарайтесь разузнать всё, что думают о «Волне» школьники.

С того дня, как она впервые поговорила о «Волне» с родителями за ужином, Лори сознательно избегала дома этой темы. Зачем подливать масло в огонь? Мать и так вечно волнуется, что бы ни происходило с дочерью — будь то вечерние прогулки с Дэвидом, изгрызенные ручки или «Волна». Лори надеялась, что мама забудет об этом. Но вечером, когда Лори делала уроки у себя комнате, миссис Сондерс постучала к ней в дверь.

— Можно войти, малыш?

— Конечно, мам.

Дверь открылась, и миссис Сондерс появилась на пороге в желтом махровом халате и тапочках. Кожа вокруг глаз у нее блестела — Лори знала, что это крем от морщин.

— Как поживают гусиные лапки, мам? — шутливо спросила она.

Миссис Сондерс усмехнулась.

— Когда-нибудь тебе это перестанет казаться смешным. — Мать погрозила Лори пальцем, подошла к столу и заглянула через плечо в книгу, которую она читала. — Шекспир?

— А ты чего ожидала?

— Чего угодно, кроме «Волны», — сказала миссис Сондерс и присела на кровать.

Лори обернулась к ней:

— Мам, что ты хочешь сказать?

— Да ничего, просто я сегодня встретила в супермаркете Илэйн Биллингс. Она говорит, что ее сын стал совершенно другим человеком.

— Она волнуется? — поинтересовалась Лори.

— Она-то нет, а я — да, — ответила миссис Сондерс. — Ты же знаешь, у них с Робертом постоянно были проблемы, много лет. Илэйн часто мне жаловалась. И тогда она очень волновалась.

Лори кивнула.

— Зато теперь, — продолжила миссис Сондерс, — она в полном восторге. Но я почему-то в это не верю. Чтобы человек взял и вдруг полностью изменился! Он как будто в какую-то секту вступил.

— То есть?

— Лори, есть люди, которые попадают в разного рода секты. Они всегда недовольны собой и своей жизнью. Они видят в этом возможность начать все сначала, измениться, переродиться. А как еще объяснить перемену, произошедшую с Робертом?

— Что же в этом плохого, мам?

— Проблема в том, что эта перемена — не настоящая. С Робертом все в порядке, пока он внутри «Волны». Но представь, что будет, если он выйдет из нее! Весь остальной мир ничего не знает о «Волне» или плевать на нее хотел. Если Роберт не мог нормально функционировать в школе до «Волны», он не сможет функционировать и вне школы, где никакой «Волны» нет.

Лори поняла, о чем она говорит.

— Мам, не беспокойся обо мне. Я уже не настолько без ума от «Волны», как два дня назад.

Миссис Сондерс кивнула.

— Я знала, что так и будет, когда ты немного поразмыслишь над этим.

— Так в чем проблема? — спросила Лори.

— Проблема в том, что все остальные в школе воспринимают «Волну» всерьез.

— Ах, мама, это ты воспринимаешь ее слишком серьезно. Знаешь, что я думаю? Это просто мода. Как

панк-рок или вроде того. Через два месяца никто о «Волне» и не вспомнит.

— Миссис Биллингс сказала мне, что в пятницу будет собрание «Волны», — сказала миссис Сондерс.

— Да это просто чтобы поддержать нашу футбольную команду перед субботним матчем, — объяснила Лори. — Просто назвали собранием «Волны».

— На котором промывают мозги двум сотням новых участников движения? — скептически спросила миссис Сондерс.

Лори вздохнула.

— Послушай, мам, у тебя какая-то паранойя из-за этой истории. Никто никому мозги не промывает. Просто на собрании поприветствуют новых членов. Они бы всё равно пришли поддержать команду. Поверь, это только игра. Так мальчики в солдатики играют. Тебе стоит познакомиться с мистером Россом, и тогда ты увидишь, что в «Волне» нет ничего страшного.

— А тебя саму разве ничего не тревожит? — спросила миссис Сондерс.

— Единственное, что меня тревожит, — это сколько моих одноклассников так легко попало на эту удочку. Я понимаю, почему это произошло с Дэвидом: он убежден, что «Волна» поможет победить его команде. Но я не понимаю про Эми. То есть... ну ты же знаешь Эми. Она такая умная — а восприняла все всерьез.

— Значит, ты все-таки беспокоишься, — заметила мать.

Но Лори покачала головой.

— Нет, мам. Меня беспокоит только это, ничего больше. Уверяю тебя, ты слона из мухи делаешь. Правда, поверь мне!

Миссис Сондерс медленно поднялась с кровати.

— Ну что ж, хорошо, Лори. По крайней мере, тебя в это втянуть не удалось. И на том спасибо. Но пожалуйста, малыш, будь осторожна.

Она наклонилась к дочери, поцеловала ее в лоб и вышла из комнаты.

Несколько минут Лори неподвижно сидела за столом и не могла заставить себя вернуться к домашней работе. Вместо этого она жевала кончик ручки и думала о волнениях матери. Опять она, как всегда, все преувеличивает. Это просто мода, увлечение. Правда же?

ГЛАВА 10

Бен Росс пил кофе в учительской, когда ему сообщили, что директор Оуэнс вызывает его к себе. Росс почувствовал, как по спине пробежала нервная дрожь. Что-то не так? Оуэнс наверняка будет говорить о «Волне».

Пока Росс поспешно шагал по коридору к директорскому кабинету, человек десять учеников отдали ему салют. Он салютовал в ответ, не сбавляя шага и в волнении гадая, что же скажет ему Оуэнс.

С одной стороны, если тот скажет, что на него поступили жалобы, и потребует прекратить эксперимент, Росс, безусловно, почувствует облегчение. Честно говоря, он совсем не ожидал, что «Волна» примет такой размах. Новости о том, что в движение один за другим вступают ученики из других классов, по-прежнему удивляли его. Он ничего такого не планировал.

Но были и другие соображения. Взять, к примеру, изгоев, таких как Роберт Биллингс. Впервые в жизни Роберт был равноправным членом общества. Никто больше не смеялся над ним, не мучил его. Перемена, произошедшая с ним, была невероятной. Он не только преобразился внешне, но и стал участвовать в работе класса. И не только на уроке истории — на музыке, по словам Кристи, тоже. Роберт казался другим человеком. Если остановить «Волну», Роберт может лишиться своего единственного шанса на новую жизнь и опять стать всеобщим посмешищем.

Кроме того, не будет ли прекращение эксперимента предательством по отношению к ученикам, принявшим в нем участие? Они так никогда и не увидят

продолжения. А у Бена не будет возможности довести их до финала.

Бен резко остановился. Постой-постой. С каких это пор он куда-то их ведет? Это же учебный эксперимент, не так ли? Попытка дать им почувствовать, каково было жить в нацистской Германии. Росс мысленно улыбнулся. Не будем увлекаться, думал он, продолжая свой путь по коридору.

Дверь в кабинет директора была открыта, и, заведя Бена в приемной, он поприветствовал его салютом-волной.

Бен слегка смутился. По дороге он успел убедить себя, что директор устроит ему разнос, но старик, похоже, был в хорошем расположении духа.

Оуэнс был высоченный, почти шести с половиной футов ростом. Он был практически лыс, за исключением нескольких скудных пучков растительности над каждым ухом. Образ дополняла трубка, с которой он никогда не расставался. У него был густой, могучий бас — когда директор был разгневан, он мог вселить поистине религиозный ужас в душу самого отъявленного атеиста. Но сегодня, судя по всему, Бену нечего было бояться.

Директор Оуэнс уселся за свой стол, водрузив на один его угол ноги в огромных черных ботинках, и внимательно, с легким прищуром, посмотрел на Бена.

— Знаете что, Бен? У вас неплохой костюм, — произнес он. Сам Оуэнс никогда не появлялся в школе одетым иначе как в тройку, даже на субботнем футбольном матче.

— Спасибо, сэр, — смущенно ответил Бен.

Директор улыбнулся.

— Не припомню вас прежде в таком виде.

— Э-э, да, это для меня новый опыт, — согласился Бен.

Оуэнс приподнял одну бровь.

— Это как-то связано с «Волной», верно?

Бен прокашлялся.

— Ну да, верно.

Директор подался вперед.

— А теперь расскажите-ка мне, что означает эта ваша «Волна», — попросил он. — Вы всю школу взбудоражили.

— Надеюсь, не зря, — ответил Бен.

Оуэнс потер подбородок.

— Судя по тому, что я слышал — не зря, — подтвердил он. — А по вашим данным?

Бен понимал, что ему нужно подкрепить эту уверенность.

— Ничего плохого я не слышал.

Директор кивнул.

— Я весь внимание.

Бен набрал в легкие воздуха и начал:

— Все началось несколько дней назад на уроке истории в выпускном классе. Мы смотрели фильм о нацистах и...

Когда Бен закончил свой рассказ о «Волне», он заметил, что директор Оуэнс не выглядит столь же довольным, но и явного недовольства, которого мог опасаться Бен, не было. Директор вынул изо рта трубку и постучал ею о пепельницу.

— Я должен признать, что все это очень необычно, Бен. Вы уверены, что ученики не отстают от программы?

— Наоборот, они обгоняют, — ответил Бен.

— Но в «Волну» вступили и те, кто не ходит на ваши занятия, — заметил директор.

— Никто не жалуется, — заверил его Бен. — Кристи, например, говорит, что наблюдает на своих уроках явный прогресс благодаря «Волне».

Бен отдавал себе отчет в том, что это было некоторое преувеличение. Но он чувствовал, что оно

необходимо, так как директор придавал «Волне» чрезмерное значение.

— И все же, Бен, меня очень смущают эти ваши девизы и приветствия, — сказал Оуэнс.

— Напрасно, — ответил Бен, — это всего лишь часть игры. К тому же Норм Шиллер...

— Знаю, знаю, — прервал его директор. — Он был здесь вчера, в полном восторге от всей этой затеи. Говорит, что футбольная команда развернулась на сто восемьдесят градусов. Его послушать, можно подумать, что он завербовал шестерку будущих призеров Гейсмана. По правде сказать, хотел бы я увидеть, как они в субботу разгромят Кларкстон.

Директор помолчал немного и продолжил:

— Но беспокоит меня не это, Бен. Меня беспокоят ученики. По-моему, последствия «Волны» непредсказуемы. Да, вы не нарушили никаких правил, но всему есть предел.

— Я отдаю себе в этом отчет, — не отступал Бен. — Вы должны понимать, что эксперимент зайдет ровно настолько далеко, насколько я позволю. В основе «Волны» лежит идея группы людей, готовой последовать за лидером. И поскольку я контролирую процесс, уверяю вас, он не будет пущен на самотек.

Директор Оуэнс набил трубку свежим табаком и поджег ее, на мгновение исчезнув в облачке дыма и погрузившись в размышления над словами Бена.

— Хорошо, — сказал он. — Если совсем откровенно, это разительно отличается от всего, что встречалось в нашей практике, и я не знаю, что и думать. Давайте внимательно следить за развитием событий, Бен. Смотреть и слушать. Помните: в то, что вы называете экспериментом, вовлечены люди юные и внушаемые. Иногда мы забываем, что они молоды и еще не развили в себе, скажем так, способность к самостоятельному суждению, которая, как мы надеемся, когда-нибудь у

них появится. Если за ними не следить, они могут зайти слишком далеко. Понимаете?

— Безусловно.

— Обещайте, что у меня здесь не появится толпа возмущенных родителей, вопящих, что мы бог знает чем забиваем их детям головы.

— Обещаю, — ответил Бен.

Директор Оуэнс едва заметно кивнул.

— Словом, не могу сказать, что я в восторге от этого, но прежде вы не давали мне повода сомневаться в вас.

— Не дам и впредь, — уверенно сказал Бен.

ГЛАВА 11

Придя на следующий день в редакцию, Лори обнаружила на полу простой белый конверт. Видно, рано утром или поздно вечером накануне кто-то подсунул его под дверь. Лори подняла конверт и закрыла кабинет. Внутри была статья, написанная от руки, и сопроводительное письмо. Лори прочла его:

Дорогая редакция «Листка», вот статья для вашей газеты. Не ищите подпись, потому что ее нет. Я не хочу, чтобы мои друзья или еще кто-нибудь узнали, что я это написал.

Лори нахмурила брови и приступила к чтению:

Добро пожаловать в «Волну»?

Я учусь в одиннадцатом классе «Гордон Хай». Несколько дней назад мы с друзьями услышали про движение «Волна», куда вступают все ученики последнего класса. Мы заинтересовались. В школе всегда хочется быть похожим на тех, кто на класс старше.

Мы с друзьями пошли на урок к мистеру Россу, чтобы посмотреть, что это такое. Одним понравилось, другим не очень. Мне показалось, что это дурацкая игра.

После урока мы собрались уходить. В коридоре нас остановил ученик мистера Росса и спросил, хотим ли мы вступить в «Волну». Двое моих друзей согласились, двое сказали, что им надо подумать, а я отказался.

Этот двенадцатиклассник стал расписывать достоинства «Волны». Он сказал, что чем

больше народу в нее вступит, тем она станет лучше. По его словам, членами «Волны» стали уже все ученики двенадцатого класса и большинство одиннадцатиклассников.

Довольно скоро мои друзья, сначала сомневавшиеся, передумали и заявили, что готовы вступить в «Волну». Тогда этот парень обратился ко мне: «А ты что, не вместе с друзьями?» — спросил он.

Я ответил, что они останутся моими друзьями независимо от того, вступлю я в «Волну» или нет. Он стал расспрашивать меня, почему я отказался. Я объяснил, что мне просто не хочется.

Тогда он взбесился. Он сказал, что скоро наступит момент, когда члены «Волны» перестанут дружить с теми, кто вне ее. Он даже сказал, что я потеряю всех друзей, если не вступлю. Думаю, он хотел меня напугать.

Но в результате он вызвал огонь на себя. Один из моих друзей сказал, что не понимает, почему если ты не хочешь, ты должен куда-то вступать. Другой мой друг поддержал его, и мы ушли.

Сегодня я обнаружил, что три моих друга вступили в «Волну», после того как с ними побеседовали какие-то другие ребята из двенадцатого класса. Этого вчерашнего парня я встретил в коридоре, и он спросил меня, вступил ли я уже в «Волну». Я сказал, что не собираюсь. Он сказал, что если я не приму решение в ближайшее время, скоро будет слишком поздно.

Мне интересно одно: слишком поздно для чего?

Лори аккуратно сложила статью и убрала обратно в конверт. Ее собственные мысли о «Волне» начали обретать ясность.

Выходя из кабинета директора, Бен увидел, как несколько учеников вешают в коридоре огромный баннер «Волны». Сегодня же собрание, вспомнил Росс. В коридорах было полно народу, и приходилось без конца отдавать салют. Еще немного, и рука отвалится, подумал он.

Брэд и Эрик стояли за столиком, раздавали брошюры и выкрикивали:

— Сила в дисциплине! Сила в единстве! Сила в действии!

— Здесь можно узнать все о «Волне», — говорил Брэд проходящим мимо школьникам. — Держите брошюру.

— И не забудьте прийти сегодня на собрание, — напоминал Эрик. — Будем работать вместе и достигать цели.

Бен устало улыбнулся. Неуемная энергия этих ребят выматывала его. Вся школа была теперь увешана плакатами «Волны». У каждого ее члена было какое-то поручение: вербовать новых людей, распространять информацию, готовить спортзал к собранию. Бен чувствовал, что это уже перебор.

Пройдя еще немного, Бен поймал себя на странном ощущении и остановился. Ему показалось, что кто-то идет за ним. В нескольких футах от него стоял Роберт и улыбался. Бен улыбнулся ему в ответ и пошел дальше, но через несколько секунд остановился снова. Роберт по-прежнему шел за ним следом.

— Роберт, что ты делаешь? — спросил мистер Росс.

— Мистер Росс, я ваш телохранитель, — заявил Роберт.

— Мой что?!

Роберт чуть замялся.

— Я хочу быть вашим телохранителем, — пояснил он. — То есть вы же... лидер, мистер Росс, я не могу допустить, чтобы с вами что-то случилось.

— А что со мной может случиться? — удивился Бен.

Но Роберт как будто не слышал вопроса.

— Я знаю, что вам нужен телохранитель, — настаивал он. — Я справлюсь, мистер Росс. Я впервые в жизни... Никто надо мной больше не смеется. Теперь я часть чего-то очень важного.

Бен кивнул.

— Так вы согласны? — спросил Роберт. — Я знаю, вам нужен телохранитель. Я справлюсь, мистер Росс.

Бен внимательно посмотрел в лицо Роберту. Вместо углубленного в себя, неуверенного увальня перед ним стоял сознательный член «Волны», озабоченный безопасностью лидера. Но телохранитель?! Бен колебался. Не слишком ли далеко это зашло? Он все сильнее ощущал, как ему навязывается особая роль — предводителя «Волны». Несколько раз за последние дни он слышал, как члены «Волны» обсуждают отданные им «приказы»: он «приказал» повесить плакаты в коридорах, организовать движение «Волна» в девятом и десятом классах, заменить собрание в поддержку футбольного матча собранием «Волны».

Самое невероятное было то, что он и не думал отдавать эти приказы. Они зародились сами по себе в воображении учеников, и они приняли это за его слова. Похоже, «Волна» начала жить собственной жизнью, а он и его ученики подчинились ее воле. Бен еще раз посмотрел на Роберта. Где-то в глубине души он понимал, что, позволяя Роберту охранять его, он соглашается стать человеком, которому необходим телохранитель. Но ведь этого требует эксперимент!

— Хорошо, Роберт, — сказал Росс. — Будь моим телохранителем.

Лицо Роберта расплылось в широкой улыбке. Бен подмигнул ему и двинулся дальше по коридору. Что ж, пусть будет телохранитель, почему бы нет. Для эксперимента очень важен реалистичный образ вождя. Телохранитель отлично его дополнит.

ГЛАВА 12

Собрание должно было состояться в спортзале, но Лори никак не могла решить, идти ей или нет, и в раздумьях стояла возле своего шкафчика. Она по-прежнему не могла сформулировать, что ее так беспокоит в «Волне», но чувствовала, как эта смутная тревога растет день ото дня. Что-то не так. Анонимное письмо, обнаруженное утром, укрепило это чувство. Дело не только в том, что старший пытался заставить младшего вступить в «Волну». Хуже другое — одиннадцатиклассник не подписал письмо, а значит, он боится. Лори уже много дней пыталась отогнать от себя эту мысль, но она никуда не девалась. «Волна» вселяла страх. Если ты со всем согласен и ни о чем не спрашиваешь, тогда все в порядке. Но если нет...

Размышления Лори были прерваны внезапными криками со двора. Она подбежала к окну и увидела, что в окружении кричащей толпы дерутся двое мальчишек. У нее перехватило дыхание. Одним из дерущихся был Брайан Эммон! В ярости они обрушивали друг на друга кулаки и, наконец, неуклюже повалились наземь. В чем дело?

Из школы выбежал учитель и разнял борцов. Крепко схватив за руки, он поволок их внутрь — без сомнения, в кабинет директора. По дороге Брайан выкрикивал:

— Сила в дисциплине! Сила в единстве! Сила в действии!

Его противник отвечал:

— Да заткнись ты!

— Видала?

Лори вздрогнула от неожиданности, так близко от нее раздался голос. Она быстро обернулась и увидела Дэвида.

— Надеюсь, Оуэнс не запретит Брайану после этого прийти на собрание, — сказал Дэвид.

— Они подрались из-за «Волны»? — спросила Лори. Дэвид пожал плечами.

— Тут не только это. Парень, с которым Брайан поцапался, из одиннадцатого класса. Его зовут Дойч. Он весь год мечтал занять место Брайана в команде. Надеюсь, он получил по заслугам.

— Но Брайан выкрикивал девиз «Волны»! — заметила Лори.

— Ну да. Для него это важно. Как и для всех нас.

— И для того, с кем он дрался, — тоже?

Дэвид покачал головой.

— Не, Дойч придурок, Лори. Был бы он в «Волне», не стал бы подсиживать Брайана. Этот парень — настоящий позор команды. Хорошо бы Шиллер его выпер.

— Потому что он не член «Волны»? — спросила Лори.

— Конечно, ответил Дэвид. — Если он за команду, вступил бы лучше в «Волну», чем Брайана доставать. Он сам себе команда, Лори. Сплошной эгоизм, никакой взаимовыручки.

Дэвид выглянул в коридор и посмотрел на часы, висевшие на стене.

— Пошли, пора на собрание. Оно через минуту начнется.

И тут Лори приняла решение.

— Я не иду, — сказала она.

— Что? — Дэвид был потрясен. — Почему?

— Потому что не хочу.

— Лори, это дико важное собрание! — воскликнул Дэвид. — Там будут все новые члены.

— Дэвид, мне кажется, что вы все чересчур серьезно относитесь к «Волне».

Дэвид покачал головой.

— Я — нет! Это ты недостаточно серьезно к ней относишься! Ты всегда была лидером, Лори. Все брали с тебя пример. Ты должна пойти!

— Но поэтому я и не иду, — попыталась объяснить Лори. — Пусть сами решают. У них своя голова есть. Я им для этого не нужна.

— Я тебя не понимаю, — сказал Дэвид.

— Дэвид, я не могу поверить в это — все как будто рехнулись! «Волна» заполонила все.

— Конечно, — согласился Дэвид. — Потому что она имеет смысл. Она работает, Лори! Все в одной команде. Все равны.

— Шикарно, — с сарказмом сказала Лори. — Мы что, очки зарабатываем?

Дэвид отступил назад и внимательно посмотрел на свою подругу. Он такого не ожидал — во всяком случае, от нее.

— Ты что, ничего не видишь? — продолжала Лори, приняв его молчание за признак сомнения. — Ты такой идеалист, Дэвид. Ты так увлекся созданием утопической страны равных возможностей и гениальных футбольных команд, что совсем ничего не видишь!

Так не бывает, Дэвид! Всегда будут люди, которые не захотят принимать в этом участие. И у них есть право на это.

Дэвид прищурился.

— Знаешь что? — произнес он. — Ты против потому, что ты перестала быть особенной. Ты теперь не первая и не самая популярная в классе.

— Неправда, не в этом дело, и ты знаешь это! — выдохнула Лори.

— А я думаю, в этом! — настаивал Дэвид. — Теперь ты узнаешь, каково нам было слушать тебя, когда ты всегда правильно отвечала на вопросы! Всегда была лучшей! Ну и как тебе, когда ты уже не первая?

— Дэвид, ты ведешь себя как идиот! — заорала Лори.

Дэвид кивнул.

— Хорошо, раз я идиот, найди себе парня поумнее.

Он развернулся и пошел в сторону спортзала.

Лори стояла и смотрела ему вслед. Какое-то безумие. Все пошло кувырком.

Судя по доносившимся отголоскам, собрание имело огромный успех. Лори провела это время в редакции — единственном месте, куда можно было скрыться от любопытных взглядов, вопрошавших, почему она не со всеми. Лори не хотела признаваться себе, что прячется, но это было именно так. Вот ведь в какое безумие вылилась эта затея — приходится прятаться, если не хочешь в ней участвовать.

Лори вытащила ручку и принялась грызть ее. Надо что-то делать. И сделать это должен «Листок».

Спустя несколько минут поворот дверной ручки вывел ее из оцепенения. Лори затаила дыхание. Кто-то пришел за ней?

Дверь открылась, и в кабинет вошел Алекс, как всегда, в наушниках, ритмично покачиваясь в такт музыке.

Лори откинулась на спинку стула и с облегчением выдохнула.

Увидев Лори, Алекс широко улыбнулся и стащил с головы наушники.

— Эй, что же ты оставила войска?

— Алекс, все не настолько плохо.

Но Алекс только усмехнулся:

— Да что ты! Скоро им придется переименовать школу в «Форт „Гордон Хай“».

— Не смешно, Алекс.

Алекс сгорбился и состроил рожу.

— Запомни, Лори: нет ничего, что не было бы смешно.

— Если это войска, то и тебя могут призвать на фронт. Не страшно? — спросила Лори.

Алекс ухмыльнулся.

— Кого, меня? — он разрезал воздух ладонями, как заправский каратист. — Пусть попробуют, я их кунгфуирую и изрежу в китайскую лапшу.

Дверь снова открылась, и в нее проскользнул Карл. Он заметил Лори и Алекса и расплылся в улыбке.

— Похоже, я нашел убежище Анны Франк!

— Последний неисправимый индивидуалист! — приветствовал его Алекс.

Карл кивнул.

— Похоже на то. Я только что с собрания.

— Неужели выпустили? — удивился Алекс.

— Я отпросился в туалет, — пояснил Карл.

— Ты ошибся дверью, дружище, — заметил Алекс.

Карл хмыкнул.

— Там я уже побывал. Любое место лучше, чем это собрание.

— Вступай в наш клуб, — сказала Лори.

— Может, придумаем ему название? — предложил Алекс. — Если они называют себя «Волной», мы будем «Штилем».

— А ты что думаешь? — спросил Карл.

— Про «Штиль»? — уточнила Лори.

— Нет, про «Волну».

— Я думаю, что пора выпустить «Листок», — твердо сказала Лори.

— Простите за то, что выражу свою, не всегда глубокомысленную, точку зрения, — вступил Алекс, — но я полагаю, что нам нужно поторопиться, пока всех остальных журналистов не смыло могучей «Волной».

— Сообщи всей редакции, — сказала Лори, — что в воскресенье в два мы встречаемся на внеочередной редколлегии у меня дома. И постарайся сделать так, чтобы пришли только те, кто еще не вступил в «Волну».

Вечером Лори сидела одна у себя в комнате. Она была слишком озабочена «Волной», чтобы позволить себе расстраиваться из-за Дэвида. К тому же у них и раньше случались ссоры. Но несколько дней назад они договорились встретиться в этот вечер, а сейчас была уже половина одиннадцатого. Было уже ясно, что он не придет, но Лори не могла до конца в это поверить. Они были вместе с десятого класса — как же такая ерунда, как «Волна», могла их разлучить? Впрочем, «Волна» не ерунда. Уже не ерунда.

В течение вечера миссис Сондерс несколько раз поднималась в комнату дочери и предлагала поговорить об этом, но Лори отказывалась. Мать и по пустякам-то страшно волновалась, а на этот раз было из-за чего переживать. Лори сидела за столом, пытаясь написать что-нибудь о «Волне» для газеты, но лист бумаги оставался нетронутым, если не считать пары мокрых пятен от слез.

Раздался стук в дверь, и Лори быстро вытерла слезы. Впрочем, особого смысла в этом не было — мама все равно увидит, что она плакала.

— Я не хочу говорить, мам, — быстро сказала Лори.

Но дверь все равно открылась.

— Это не мама, малыш.

— Папа? — удивилась Лори. Не то чтобы они не были близки, но в отличие от матери он никогда не вникал в ее проблемы — если они, конечно, не были как-нибудь связаны с гольфом.

— Можно войти? — спросил мистер Сондерс.

— Ну, пап, — Лори улыбнулась уголками губ, — если учесть, что ты уже вошел...

Мистер Сондерс кивнул.

— Прости, что вломился, малыш, но мы с мамой волнуемся.

— Она сказала тебе, что мы расстались с Дэвидом?

— Ну да, сказала. И мне очень жаль, малыш, очень. Мне казалось, он симпатичный парень.

— Был, — ответила Лори. И подумала: «Пока не появилась „Волна“».

— Но, м-м, беспокоит меня еще кое-что, Лори. Кое-что, что я услышал сегодня во время гольфа.

Мистер Сондерс всегда в пятницу уходил с работы пораньше, чтобы успеть поиграть до заката.

— Что, пап?

— Сегодня после уроков избили мальчика, — сказал отец. — Поскольку я слышал историю из вторых рук, не поручусь за детали. Но, очевидно, в школе сегодня было какое-то собрание, и он то ли отказался участвовать в этой игре в «Волну», то ли критически о ней отзывался.

Лори потеряла дар речи.

— Родители мальчика — соседи моего партнера по гольфу. Они только в этом году переехали. Так что мальчик — новичок в вашей школе.

— Что ж, он как раз идеальный кандидат для «Волны», — сказала Лори.

— Возможно, — отвечал мистер Сондерс. — Но дело в том, Лори, что он еврей. Это могло иметь значение?

Лори раскрыла рот от удивления.

— Но ты же не думаешь... Папа, ты же не думаешь, что такое может случиться! Я совсем не люблю «Волну», но это невозможно, клянусь тебе!

— Ты уверена?

— Ну, я знаю всех, кто был в «Волне» с самого начала. Я сама была. Идея была в том, чтобы показать, как в Германии стал возможен нацизм. Но идеи сделать из нас гитлерюгенд не было. Это... это...

— Похоже, что это вышло из-под контроля, Лори, — сказал отец. — Ты согласна?

Лори только кивнула. Она была слишком потрясена, чтобы говорить.

— Несколько моих знакомых собираются пойти в школу в понедельник поговорить с директором, — сказал мистер Сондерс. — Просто на всякий случай.

Лори кивнула снова.

— Мы готовим специальный выпуск «Листка». Собираемся рассказать всю правду о «Волне».

Отец помедлил.

— Хорошая идея, малыш. Но будь осторожна, ладно?

— Буду, — сказала Лори. — Обещаю тебе.

ГЛАВА 13

За последние три года у Лори вошло в привычку сидеть на субботних матчах рядом с Эми. Дэвид, конечно же, был в команде, и Эми, пока у нее не было постоянного парня, тоже встречалась в основном с футболистами. Лори не могла дожидаться субботы, чтобы скорее рассказать Эми обо всем, что ей стало известно. Лори было трудно понять, почему Эми так далеко зашла в увлечении «Волной», но была уверена: как только та узнает о мальчике, которого избили, она образумится. Кроме того, Лори было просто необходимо с кем-то поговорить о Дэвиде. У нее в голове не укладывалось: неужели такая чушь, как «Волна», могла заставить Дэвида порвать с ней? Вероятно, Эми знала что-то такое, чего не знала она. А может, она согласится переговорить с Дэвидом?

Лори пришла к самому началу игры. Это было, без сомнения, самое долгожданное событие года, народу была уйма, и Лори не сразу нашла кудрявую головку Эми на переполненных трибунах. Она была почти в самом верхнем ряду. Лори поспешила к проходу и собралась уже двинуться вверх, как вдруг кто-то заорал:

— Стоп!

Лори остановилась и увидела, как к ней спешит Брэд.

— Привет, Лори, я тебя просто не узнал сзади, — сказал он и отдал салют.

Лори стояла не шелохнувшись.

Брэд нахмурился.

— Ну давай, Лори, отдай салют, и можешь идти.

— Ты о чем, Брэд?

— Ты же знаешь, салют «Волны».

— То есть я не могу идти дальше, пока не отдам салют? — уточнила Лори.

Брэд с опаской оглянулся вокруг.

— Они так решили, Лори.

— Кто — они? — спросила Лори.

— «Волна» так решила.

— Брэд, я думала, ты сам в «Волне»! Ты же у мистера Росса учишься, — заметила Лори.

Брэд пожал плечами.

— Так и есть. Слушай, тебе же не трудно. Просто отдай мне салют, и можешь идти.

Лори оглядела забитые трибуны.

— Ты хочешь сказать, что все, кто есть на трибунах, отдали тебе салют?

— Ну да. В этом секторе.

— Что ж, а я хочу пройти и не хочу отдавать тебе салют, — сердито сказала Лори.

— Но так нельзя, — ответил Брэд.

— Кто сказал, что так нельзя? — громко спросила Лори. Несколько человек обернулись в их сторону.

Брэд покраснел.

— Послушай, Лори, — тихо проговорил он. — Отдай уже этот чертов салют.

Но Лори была непреклонна:

— Это же бред. Ты и сам понимаешь, что это бред.

Брэд слегка поежился, снова оглянулся и сказал:

— Ну ладно, не отдавай, иди так. Никто вроде не смотрит.

Но в ту же минуту Лори поняла, что не хочет идти на трибуны. У нее не было никакого желания куда-то пробираться, чтобы присоединиться к «Волне». Вся эта затея превратилась в полное безумие. Даже некоторым членам «Волны», таким как Брэд, это было ясно.

— Брэд, — обратилась к нему Лори, — почему ты это делаешь, если понимаешь, что это чушь? Зачем ты участвуешь в этом?

— Послушай, Лори, я не могу сейчас об этом говорить, — сказал Брэд. — Игра начинается, я должен запустить людей на трибуны. У меня много дел.

— Ты боишься? — спросила Лори. — Ты боишься того, что сделают другие члены «Волны», если ты не будешь с ними заодно?

Брэд открыл рот, но несколько секунд не говорил ни слова.

— Я никого не боюсь, Лори, — произнес он наконец. — А ты лучше заткнись. Очень многие заметили, что тебя не было вчера на собрании.

— И что? Что с того? — недоумевала Лори.

— Я ничего тебе не говорю, просто имей в виду, — сказал Брэд.

Лори была потрясена. Она хотела выяснить, что же он хотел этим сказать, но на поле уже вовсю шла игра. Брэд отвернулся, и ее слова утонули в реве толпы.

В воскресенье Лори и несколько корреспондентов «Листка» устроили в гостиной Сондерсов редколлегию, на которой собирали спецвыпуск газеты, почти полностью посвященный «Волне». Несколько журналистов не было, и когда Лори спросила почему, ответ последовал не сразу. Наконец Карл сказал:

— У меня возникло ощущение, что некоторые наши товарищи предпочли не навлекать на себя гнев «Волны».

Лори окинула взглядом своих коллег, кивавших в знак согласия со словами Карла.

— Скользкие, бесхребетные амебы! — завопил Алекс, вскакивая и поднимая над головой кулак. — Клянусь бороться с «Волной» до конца! Свобода — или прыщи!

В ответ на недоумевающие взгляды он пояснил:

— Мне показалось, что прыщи страшнее смерти.

— Сел бы ты, Алекс, — сказал ему кто-то.

Алекс сел, и ребята продолжили собирать газету. Но Лори чувствовала, как остро они ощущают отсутствие тех, кто не пришел.

В спецвыпуск «Листка» вошли история анонимного автора и репортаж Карла о десятикласснике, которого побили.

Оказалось, что он не сильно пострадал: его слегка потрепала парочка отморозков. Было даже не совсем ясно, «Волна» стала тому причиной или просто поводом прицепиться к нему. Как бы там ни было, один из отморозков обозвал мальчика жидом пархатым. Родители мальчика сообщили Карлу, что не пустят его в школу и собираются в понедельник утром посетить директора.

Были и другие интервью с обеспокоенными родителями и учителями. Но самым ярким материалом стала колонка редактора, на которую Лори потратила большую часть субботы. Она обличала «Волну» как опасное, бездумное начинание, которое подавляет свободу слова и мысли и выступает против основ демократической Америки. Лори указывала на то, что «Волна» уже начала приносить больше вреда, чем пользы (что бы там ни говорили, «Гладиаторы» Гордона проиграли Кларкстону со счетом 42:6) и предупреждала, что последствия будут еще страшнее, если ее не остановить.

Карл и Алекс обещали сдать номер в печать с самого утра. К обеду тираж будет готов.

ГЛАВА 14

Прежде чем газета увидит свет, Лори должна была сделать одну вещь: найти с утра в понедельник Эми и все ей объяснить. Она все еще надеялась: как только Эми прочтет ее колонку, она поймет, что такое «Волна» на самом деле, и изменит свое мнение о ней. Лори хотела предупредить подругу, чтобы та успела выйти из «Волны» на случай, если начнутся неприятности.

Она нашла Эми в школьной библиотеке и протянула ей статью. По мере того, как Эми читала, глаза ее округлялись. Наконец она подняла взгляд на Лори.

— Что ты собираешься с этим делать?

— Я напечатала это в газете, — ответила Лори.

— Но ты не можешь говорить так о «Волне», — возразила Эми.

— Почему? — удивилась Лори. — Это же правда. Эми, «Волна» превратилась в какое-то наваждение. Люди разучились думать самостоятельно.

— Да ну, перестань, Лори, — сказала Эми. — Ты просто расстроена. Это все из-за ссоры с Дэвидом.

Лори покачала головой.

— Эми, я серьезно. «Волна» вредна, все идут за ней как стадо баранов. Я не могу поверить, что ты по-прежнему хочешь быть среди них — после того, как ты это прочла. Ты разве не видишь, что это такое? Люди забывают себя. Это как фильм «Ночь живых мертвецов» или вроде того. Почему ты хочешь быть частью этого?

— Потому что там нет тех, кто лучше других, — сказала Эми. — Потому что с того самого момента, как мы с тобой подружались, я только и делала, что пыталась тебя догнать, поравняться с тобой. А теперь мне больше не нужно, чтобы мой парень обязательно был футболистом, как у тебя. И если я не хочу, я не

должна получать такие же отметки, как у тебя, Лори. Впервые за три года мне не нужно бежать наперегонки с Лори Сондерс, и ко мне всё равно будут прекрасно относиться.

Лори вдруг ощутила, как у нее похолодели руки.

— Я... я всегда знала, что ты это чувствуешь, — пробормотала она. — Мне всегда хотелось поговорить с тобой об этом.

— Ты что, не знаешь, что половина всех родителей в нашей школе говорят своим детям: «Ах, почему ты не Лори Сондерс?» Да брось, Лори! У тебя есть только одна причина выступить против «Волны» — ты больше не принцесса!

Лори словно пригвоздило к месту. Даже ее лучшая подруга, Эми, всегда такая умница, ополчилась на нее из-за «Волны». И тут Лори страшно рассердилась.

— Я все равно это опубликую, — сказала она.

Эми вскинула на нее глаза.

— Не надо, Лори.

Но Лори покачала головой.

— Я уже это сделала, — сказала она. — И я знаю, что мне делать дальше.

Вдруг получилось так, как будто она тут совсем чужая. Эми посмотрела на часы.

— Мне пора, — сказала она и ушла, оставив Лори одну в библиотеке.

«Листок» никогда еще не расхватывали так быстро, как в тот день. Школа гудела, как улей, переполненная новостями. Мало кто слышал про десятиклассника, которого побили, а уж про анонима из одиннадцатого класса и подавно никто ничего не знал. Но как только эти истории появились в газете, стали всплывать и другие. Истории об угрозах и нападках на ребят,

которые по тем или иным причинам противостояли «Волне».

Ходили и другие слухи — о том, что в кабинет директора сегодня все утро заходили учителя и родители с жалобами, а школьные психологи расспрашивали учеников. В воздухе коридоров и классов висело напряжение.

Бен, сидевший в учительской, отложил газету и потер виски. У него вдруг страшно заболела голова. Что-то пошло не так, и Росс подозревал, что был виноват в этом. Нападение на этого мальчика было ужасным, невероятным. Как он мог допустить эксперимент с такими побочными эффектами?

Кроме того, Бен с удивлением обнаружил, что его крайне расстроил разгром школьной команды футболистами из Кларкстона. Он никак не мог понять, почему именно этот проигрыш так задел его, ведь он вообще-то был безразличен к спорту. Неужели виной тому была «Волна»? На прошлой неделе он уже начал верить, что если команда выступит хорошо, это станет сильным аргументом в пользу «Волны».

Но с каких пор он желал «Волне» успеха? Успех или провал «Волны» не был целью эксперимента. Его должно было интересовать, что извлекут из «Волны» его ученики, но никак не сама «Волна».

В учительской была аптечка, набитая аспирином и прочими средствами от головной боли. Друг Бена как-то заметил, что если у врачей профессиональная склонность к суициду, то у учителей — к головным болям. Бен вытряхнул из баночки три таблетки и отправился за водой.

Но дойдя до двери учительской, Бен остановился. В коридоре были слышны голоса — Норм Шиллер и какой-то мужчина. Кто-то, должно быть, остановил Норму по пути в учительскую, и теперь они беседовали снаружи. Бен прислушался.

— Да это гроша ломаного не стоило, — говорил Шиллер. — Они, конечно, воспряли духом, решили, что могут выиграть. Но на поле ничего не показали. Все волны мира бессильны против хорошего квотербека. Умение играть ничем не заменишь.

— Росс просто запудрил этим ребятам мозги, по моему, — сказал неизвестный. — Не знаю, что он себе думает, но мне это не нравится. И никому из учителей, с кем я разговаривал, тоже. Кто ему дал право?

— Это вопрос не ко мне, — ответил Шиллер.

Дверь начала открываться, и Бен ретировался в прилежавший к учительской маленький туалет. Сердце у него колотилось, голова заболела еще сильнее.

Он проглотил три таблетки аспирина, стараясь не смотреть на себя в зеркало. Боялся ли он того, кого мог увидеть там? Учителя старших классов, который незаметно превратился в диктатора?

Дэвид Коллинз никак не мог этого понять. Почему было всем сразу не вступить в «Волну»? Не было бы никаких проблем. Они бы все были равными, все — в одной обойме. Теперь над ними все смеются и говорят, что «Волна» ни капли не помогла им выиграть в субботнем матче, но чего они ожидали? «Волна» — не чудодейственное средство. Команда узнала о «Волне» всего за пять дней до игры. Что изменилось — так это командный дух, отношения между игроками.

Дэвид, Роберт Биллингс и еще несколько учеников Росса стояли в школьном дворе, изучая свежий «Листок». Статья Лори вызвала у Дэвида легкий приступ тошноты. Он ничего не слышал об угрозах и нападениях, и по всему выходило, что Лори и ее авторы попросту все это выдумали. Какое-то письмо без подписи и история про десятиклассника, о котором он в жизни не слыхал. Ну, отказалась она, положим,

вступить в «Волну», и это жалко. Но почему она и такие, как она, не могут просто оставить «Волну» в покое? Зачем нападать?

Роберт, стоявший рядом, тоже откровенно расстроился из-за колонки Лори.

— Это все вранье, — сердито сказал он. — Нельзя ей позволять говорить такие вещи.

— Не так уж это важно, — успокоил его Дэвид. — Всем плевать, что пишет Лори.

— Ты смеешься? — возмутился Роберт. — У всех, кто это прочтет, будет совершенно неверное представление о «Волне»!

— Я говорила ей, не надо это публиковать! — вступила Эми.

— Эй, спокойно, — остановил их Дэвид. — Нет такого закона, чтоб обязать всех верить в то, что мы пытаемся сделать. Но если «Волна» будет работать, они убедятся сами. Они увидят, сколько от нее пользы.

— Да, но если мы утратим бдительность, — сказал Эрик, — они разрушат нашу «Волну»! Слышали, что говорят в школе? К директору повалили толпы родителей и учителей, все жалуются! Вы можете поверить в это? Таким макаром ни у кого не будет шанса увидеть, на что способна «Волна».

— Лори Сондерс представляет угрозу, — угрюмо произнес Роберт. — Ее надо остановить.

Его угрожающий тон насторожил Дэвида.

— Эй, погоди... — начал он.

Но Эрик оборвал его на полуслове:

— Не волнуйся, Роберт. Мы с Дэвидом займемся Лори. Правда, Дэвид?

— Но...

Внезапно Дэвид почувствовал руку Брайана на своем плече — тот тихонько отвел его в сторону. Роберт одобрительно кивнул.

— Послушай, приятель, — прошептал Брайан. — Если кто и может остановить Лори, то это ты.

— Да, но мне не нравится настрой Роберта, — прошипел Дэвид в ответ. — Как будто мы должны задавить всякого, кто против нас. Все ровно наоборот, это не наш подход.

— Роберт, конечно, немного перебарщивает, но ты должен признать, что он прав. Если Лори продолжит писать такие вещи, у «Волны» нет будущего. Скажи ей, чтоб притормозила, Дэйв. Она тебя послушает.

— Не знаю, Брайан...

— Давай дождемся ее сегодня после школы. И ты с ней поговоришь, идет?

Дэвид неуверенно кивнул.

— Попробую.

ГЛАВА 15

В тот день Кристи Росс очень спешила домой после хора. Бен исчез из школы в середине дня, и она догадывалась почему. Дома она застала мужа склонившимся над книгой о гитлерюгенде.

— Что случилось? — спросила она.

Не поднимая глаз от книги, Бен раздраженно ответил:

— Я ушел пораньше, потому что... плохо себя чувствовал. Но мне нужно побыть одному, Крис. Я хочу подготовиться.

— Но, дорогой, мне нужно поговорить с тобой, — взмолилась Крис.

— Это не может подождать? — огрызнулся Бен. — Мне нужно доделать все к завтрашнему уроку.

— Нет, не может, — настаивала Кристи. — Потому что я хочу с тобой поговорить о «Волне». Ты вообще понимаешь, что происходит в школе, Бен? Забудем, что на моих уроках нет половины класса: они прогуливают, чтобы пойти к тебе. Ты отдаешь себе отчет в том, что из-за твоей «Волны» во всей школе разброд и шатание? Сегодня меня в коридоре остановили по меньшей мере три человека, чтобы спросить, что происходит! И все они жаловались директору.

— Знаю, знаю. Это потому, что они не понимают, что я пытаюсь сделать, — ответил Бен.

— Ты серьезно? — поразились жена. — Ты разве не знал, что школьные психологи начали опрос твоих учеников? Ты уверен, что ты сам понимаешь, что делаешь? Честно говоря, никто в школе в это уже не верит.

— Да знаю я! — воскликнул Бен. — Знаю, что они говорят обо мне. Что я рехнулся от власти... что я тешу

свое самолюбие.

— Тебе не приходило в голову, что они, возможно, правы? — поинтересовалась Кристи. — Вспомни, какие цели ты ставил перед собой вначале. Они у тебя прежние?

Бен запустил пальцы в свою шевелюру. У него и так хватало проблем с «Волной».

— Послушай, Кристи, я думал, ты на моей стороне!

Но в глубине души он знал, что жена права.

— Я на твоей стороне, Бен, — ответила она. — Но я наблюдаю за тобой эти дни — и мне кажется, что я совсем тебя не знаю. Ты так увлекся ролью, которую играешь в школе, что порой и дома из нее не выходишь. С тобой такое бывало и раньше, Бен. Пора уже остановиться.

— Я знаю, тебе кажется, будто я зашел слишком далеко. Но я не могу остановиться. — Он устало покачал головой. — Не сейчас.

— А когда? — Кристи была в бешенстве. — Когда ты или кто-нибудь из этих ребят сделают что-то непоправимое, в чем вы все будете раскаиваться?!

— Ты думаешь, я сам не понимаю? — спросил Бен. — Ты думаешь, меня это не волнует? Но я устроил этот эксперимент, и они мне поверили. Если я сейчас остановлюсь, они останутся ни с чем. Только запутаются и ничему не научатся.

— Пусть! — сказала Кристи.

Бен вскочил, охваченный яростью и отчаянием.

— Нет, этого я не сделаю! Я так не могу! — заорал он. — Я их учитель. Я отвечаю за то, что сделал. Я признаю, что по моей вине это продолжалось слишком долго. Но они зашли слишком далеко, чтобы просто взять и остановиться. Я должен толкать их еще дальше, пока они не уловят суть. Возможно, для них это будет самый важный урок в жизни!

На Кристи это не произвело ровным счетом никакого впечатления.

— Что ж, надеюсь, директор согласится с такой точкой зрения, — сказала она. — Сегодня он поймал меня и сообщил, что весь день тебя искал. Он хочет, чтобы завтра утром ты первым делом зашел к нему.

Редакция «Листка Гордон Хай» в тот день долго не расходилась после уроков — ребята праздновали свою победу. Этот выпуск газеты пользовался такой популярностью, что невозможно было найти ни одного экземпляра. Более того, весь день учителя и школьники подходили к корреспондентам «Листка» — поблагодарить за то, что они открыли им «другую сторону» «Волны». Они уже слышали, что некоторые ученики покидают «Волну».

Все понимали, что один-единственный номер газеты не сможет остановить такое мощное движение на самом пике. Но тем не менее они нанесли «Волне» серьезный удар. Как сказал Карл, теперь уже вряд ли кто-нибудь будет угрожать не вступившим в «Волну» или избивать их.

Как обычно, Лори ушла из редакционного кабинета последней. Надо сказать, что ее коллеги любили повеселиться, но когда дело доходило до уборки, все тут же испарялись. Некоторое время назад Лори с удивлением обнаружила, что возглавлять газету означает делать всю ту работу, которую не хочет делать больше никто. Сегодня это была уборка.

Закончив наводить порядок, Лори вдруг поняла, что на дворе уже совсем темно и она осталась в школе одна. Она выключила свет, заперла кабинет и почувствовала, как тревога, терзавшая ее всю неделю, возвращается. Им, конечно, удалось больно ужалить «Волну», но ее влияние в школе все еще было

огромным, и Лори понимала, что ее как главного редактора... «Нет-нет, — говорила она себе, — это чушь, паранойя. „Волна“ — это так, ничего серьезного, учебный эксперимент, который слегка вышел из-под контроля. Бояться нечего».

По сумрачным коридорам Лори отправилась к своему шкафчику, чтобы оставить там книжку, которая не будет ей нужна до завтра. В пустом здании царила зловещая тишина. И Лори отчетливо различала звуки, которых никогда прежде не слышала, — гудение электрического тока, поступающего в систему сигнализации и детекторы дыма. Бульканье и плеск, доносящиеся из кабинета естественных наук, где проводился какой-то долгосрочный опыт. Непривычно громкое, гулкое эхо ее собственных шагов по коридору.

Лори дошла до своего шкафчика — и застыла как вкопанная. На дверце красной краской было намалевано: «Враг». В эту минуту самым громким звуком был оглушительный, тревожный стук ее собственного сердца. «Успокойся, — сказала себе Лори. Кто-то просто хочет тебя напугать». Она постаралась взять себя в руки и начала набирать код замка, но вдруг остановилась. Ей послышалось? Нет, это были шаги.

Лори чувствовала, как ею овладевает панический ужас, растущий как снежный ком. Она развернулась и пошла по коридору к выходу. Чужие шаги становились все громче, и Лори двинулась быстрее. Шаги стали еще громче, и внезапно свет в дальнем конце коридора погас. Лори в ужасе оглянулась назад. Кто там? Есть ли там кто-нибудь?

Лори бросилась бежать. Казалось, путь к выходу длился вечность, но когда наконец она добралась до двойных металлических дверей и подтолкнула их бедром, стало ясно, что они заперты!

В панике Лори рванулась к соседним дверям. Чудесным образом они распахнулись, Лори вынырнула в

прохладный вечерний воздух и что было духу помчалась прочь.

Она все бежала и бежала, прижимая к груди книжки, и сбавила шаг только когда совсем перестало хватать дыхания. Теперь она была в безопасности.

Дэвид сидел на пассажирском сиденье в машине Брайана. Они припарковались возле круглосуточного теннисного корта: Дэвид знал, что когда Лори возвращается домой в темноте, она всегда идет мимо корта, где все хорошо освещено. Они ждали ее уже почти час. Брайан с водительского места не отрываясь смотрел в боковое зеркало и насвистывал какую-то мелодию, так фальшиво, что Дэвид не мог ее узнать. С корта, по которому носились неутомимые теннисисты, долетал монотонный стук мячей.

— Брайан, можно тебя кое о чем спросить? — произнес Дэвид после довольно долгого молчания.

— Что?

— Что это за песня?

Брайан был явно удивлен.

— «Возьми меня на матч», — сказал он и просвистел еще несколько тактов.

Ничего общего.

— Ну что, теперь узнал?

— Да, Брайан, теперь-то конечно, — кивнул Дэвид. Он отвернулся и принялся смотреть на теннисистов.

Через мгновение Брайан подскочил на месте:

— Эй, вон она, идет!

Дэвид повернул голову и увидел Лори, которая торопливым шагом шла по тротуару. Он потянулся к дверной ручке.

— Я сам, не ходи со мной, — сказал он, открывая дверь.

— Ну, если она сразу поймет, — ответил Брайан. — Мы тут не шутки шутим.

— Да ясно, Брайан.

Дэвид вышел из машины. Ну и дела, уже и Брайан заговорил как Роберт.

Ему пришлось бежать, чтобы догнать ее. Он понятия не имел, что делать дальше, но точно знал, что лучше он сам, чем Брайан. Наконец Дэвид поравнялся с ней, но Лори не остановилась, и он пошел рядом.

— Эй, Лори, подожди, — попросил он. — Я должен поговорить с тобой. Это очень важно.

Лори чуть сбавила шаг и посмотрела, не идет ли кто следом за Дэвидом.

— Все в порядке, больше никого нет, — успокоил ее Дэвид.

Лори остановилась. Дэвид заметил, что она тяжело дышит и крепко прижимает к груди книжки.

— Знаешь, Дэвид, — сказала она, — как-то непривычно видеть тебя одного. Где же твои войска?

Дэвид знал: нужно пропустить ее колкости мимо ушей и попытаться уговорить ее.

— Ты можешь просто выслушать меня одну минуту? Пожалуйста!

Но Лори была непреклонна:

— Дэвид, мы всё друг другу сказали. Я не хочу к этому возвращаться, так что оставь меня в покое.

Дэвида охватило бешенство. Она не хочет даже слушать!

— Лори, ты должна прекратить нападать на «Волну» в газете! Из-за этого возникает куча проблем.

— Проблемы возникают из-за «Волны», Дэвид.

— Неправда, — сказал Дэвид. — Слушай, Лори, мы хотим, чтобы ты была с нами, а не против нас!

Лори покачала головой.

— Можете меня вычеркнуть. Я же сказала, я в этом не участвую. Это уже не игра. Есть пострадавшие.

Она двинулась прочь, но Дэвид пошел за ней.

— Это был несчастный случай, — настаивал он. — «Волна» была просто отмазкой, чтобы поколотить того

парня. Ты разве не понимаешь? В целом от «Волны» все равно больше пользы. Почему ты не видишь этого, Лори? Это совершенно новая система. И мы можем сделать так, чтобы она работала.

— Не со мной. И не можете.

Дэвид понимал, что, если он ее не остановит, она так и уйдет. Это же несправедливо, чтобы из-за одного человека рушилось что-то, важное для всех! Он должен ее убедить! Он должен! И он схватил ее за руку.

— Пусти меня! — Лори пыталась освободиться, но Дэвид держал ее очень крепко.

— Лори, ты должна остановиться, — твердо сказал он. Это же просто нечестно!

— Дэвид, отпусти мою руку!

— Прекрати писать эти статьи, Лори! Не наезжай на «Волну»! Ты делаешь хуже всем!

Но Лори продолжала сопротивляться.

— Я буду писать и говорить все, что захочу, и вы меня не остановите! — прокричала она ему в лицо.

Дэвид, придя в полную ярость, схватил ее за другую руку. Почему нужно быть такой упрямой? Почему она не видит, что «Волна» — это хорошо?

— Мы можем тебя остановить! И мы сделаем это! — заорал он.

Но Лори только отчаянней пыталась освободиться от его хватки.

— Я ненавижу тебя! — крикнула она. — И «Волну» ненавижу! Всех вас ненавижу!

Эти слова ударили Дэвида как пощечина. Он совсем потерял самообладание, завопил: «Заткнись!» — и швырнул ее на траву. Она неуклюже упала, книги веером разлетелись по земле.

И тут Дэвид отшатнулся, внезапно осознав, что сделал. Он испуганно опустился на колени рядом с Лори, которая все еще лежала на траве, и обнял ее.

— О Господи, Лори, всё в порядке?

Она кивнула, вздрагивая от сдавленных рыданий.
Дэвид крепко сжал ее в объятьях.

— Боже мой, прости меня, — шептал он. Он чувствовал, как она дрожит всем телом, и не мог понять, как мог такое натворить. Что могло заставить его оскорбить девушку, которую он по-прежнему любит? Лори громко всхлипывала, хватая ртом воздух. Дэвид не мог поверить в происходящее. Он словно выходил из какого-то транса. Что же произошло с ним за эти несколько дней, если он мог так поступить? Он только что отказывался признать, что из-за «Волны» страдают люди, и тут же сам обидел Лори, свою девушку, самого близкого человека!

Дэвид точно знал, что был неправ. Что бы ни заставило его поступить так, как он только что поступил, — это было плохо и неправильно. Иначе быть не могло.

Тем временем машина Брайана медленно проехала мимо них и исчезла в темноте.

Ближе к ночи Кристи Росс вошла в кабинет, где работал ее муж, и твердо сказала:

— Бен, прости, что перебиваю, но я тут подумала и должна сказать тебе что-то важное.

Бен откинулся на спинку стула и неприветливо посмотрел на жену.

— Бен, «Волну» нужно остановить завтра, — произнесла она. — Я знаю, как много значит она для тебя и твоих учеников. Но нужно положить ей конец.

— Как ты можешь так говорить? — воскликнул Бен.

— Потому что если ты не сделаешь этого сам, это сделает Оуэнс, я уверена, — сказала жена. — А тогда эксперимент точно провалится. Весь вечер я пыталась понять, чего ты добиваешься, и, кажется, начала понимать. Но задумывался ли ты в самом начале, что

будет, если твой эксперимент не сработает? Что ты рискуешь профессиональной репутацией? Не боялся, что родители перестанут пускать детей на твои уроки?

— Тебе не кажется, что ты преувеличиваешь? — спросил Бен.

— Нет, — ответила Кристи. — Ты не подумал, что тыставишь под удар не только себя, но и меня? Некоторые считают, что раз я твоя жена, то я тоже как-то вовлечена в этот идиотизм. Разве это справедливо, Бен? Мне больно от одной мысли, что после двух лет работы в «Гордон Хай» ты можешь в одночасье потерять ее. Завтра же ты пойдешь к Оуэнсу и скажешь, что с «Волной» покончено.

— Ты не можешь указывать мне, как поступать! — возмутился Бен. — Пойми, если я в один день покончу с «Волной», это будет несправедливо по отношению к ребятам!

— Ты должен что-то придумать, — настаивала Кристи. — Просто должен, и всё!

Бен потерял виски и задумался о завтрашней встрече с директором. Оуэнс — хороший человек, открытый новым веяниям и экспериментам, но на него страшно давили. С одной стороны, на «Волну» ополчились родители и учителя. С другой — Бен Росс умолял его не вмешиваться, объясняя, что немедленное прекращение эксперимента навредит детям. Столько сил было вложено! Прекратить существование «Волны» без всяких объяснений — все равно что прерваться на середине книжки, не узнав, чем дело кончилось. Но Кристи права. Бен и сам понимал, что «Волну» пора прекратить. Важно не когда, а как. Ученики должны сами прийти к этому решению, иначе все было бы напрасно.

— Кристи, — сказал Бен. — Я знаю, что с этим нужно покончить, но пока не знаю как.

Жена устало вздохнула.

— Ты готов завтра пойти к Оуэнсу и сказать это ему? Что «Волну» надо бы прекратить, но ты не знаешь как? Ты же великий вождь, Бен. Ты тот, за кем они пойдут в огонь и воду.

Бену не понравился сарказм в ее голосе, но он понимал, что и тут она права. Ему пришлось вжиться в роль лидера «Волны» в большей степени, чем хотел бы он сам. Но верно и то, что он совсем не сопротивлялся. Он не мог не признать, что, пока дело не приняло дурной оборот, он даже наслаждался внезапно обретенной властью. Все как один выполняют твои команды, школа увешана плакатами с символом «Волны», у тебя есть даже телохранитель! Раньше Бен только читал о том, что власть соблазнительна. Теперь он испытал это на себе. Он взъерошил волосы. Извлечь из этого урок должны не только ученики, но и он сам.

— Бен! — окликнула его Кристи.

— Да, я слышу тебя. Я думаю, — ответил он. На самом деле он скорее гадал. Предположим, он резко все обрубит. Пойдут ли они за ним? И тут, в одну секунду, Бен понял, что надо делать.

— О'кей, Кристи, у меня есть идея.

Жена недоверчиво взглянула на него.

— Ты уверен, что это сработает?

Бен покачал головой.

— Нет, не уверен. Но надеюсь, что да.

Кристи кивнула и посмотрела на часы. Было уже поздно, она устала. Она наклонилась и поцеловала мужа в лоб, покрытый испариной.

— Ты ложишься?

— Скоро, — ответил Бен.

После того как Кристи ушла в спальню, Бен еще раз прокрутил в голове свой план. Он казался вполне надежным, и Бен встал из-за стола, намереваясь лечь спать. Он уже гасил свет, когда раздался звонок в

дверь. Протирая усталые глаза, Росс нетвердым шагом двинулся к двери.

— Кто там?

— Дэвид Коллинз и Лори Сондерс, мистер Росс.

Бен остолбенел от неожиданности.

— Что вы тут делаете? — спросил он, открывая дверь. — Уже поздно!

— Мистер Росс, нам нужно поговорить с вами, — ответил Дэвид. — Это очень важно.

— Что ж, входите и садитесь, — сказал Росс и провел их в гостиную.

С первого взгляда на Дэвида и Лори он понял, что что-то не так. На обоих лица не было. Неужели из-за «Волны» случилось что-то ужасное? Дай бог, чтобы он ошибался. Ребята сели на кушетку. Дэвид подался вперед.

— Мистер Росс, вы должны нам помочь, — взволнованно сказал он.

— Что случилось? — спросил Бен.

— Дело в «Волне», — сказал Дэвид.

— Мистер Росс, мы понимаем, что этот эксперимент очень важен для вас, но он зашел слишком далеко, — подхватила Лори.

Прежде чем Бен успел ответить, Дэвид продолжил:

— «Волна» захватила власть, мистер Росс. Против нее нельзя сказать ни слова. Все боятся.

— Ребята в школе напуганы, — сказала Лори, — напуганы по-настоящему. Они боятся не только говорить о «Волне» плохо, но и того, что с ними сделают, если они не вступят в нее.

Бен кивнул. На душе у него даже немного полегчало: если говорить о первоначальной цели эксперимента, страх, о котором рассказывали Лори и Дэвид, только подтверждает успех. Ведь «Волна» была задумана как способ показать ребятам, какой была жизнь в гитлеровской Германии. Страх и принуждение

к сотрудничеству они увидели во всей красе. В этом смысле это был успех — ошеломительный успех.

— Нельзя даже просто поговорить, если точно не знаешь, кто тебя слушает, — сказала Лори.

Бен снова утвердительно кивнул. Он вспомнил, как на его уроках некоторые осуждали евреев, которые не поверили в реальность угрозы нацизма, не стали покидать свои дома и гетто, когда появились слухи о концлагерях и газовых камерах. Конечно, думал Росс, как разумный человек может поверить в это? Кто бы поверил, что симпатичные старшеклассники из «Гордон Хай» объединятся в фашистское движение под названием «Волна»? По слабости ли мы закрываем глаза на темную сторону человеческой природы?

Дэвид вывел его из раздумий.

— Сегодня я чуть не ударил Лори из-за «Волны», — сказал он. — Не знаю, что на меня нашло. Но точно знаю, что то же самое нашло на всех остальных, кто в «Волне».

— Вы должны это прекратить, — твердо сказала Лори.

— Знаю, — ответил Бен. — Я это сделаю.

— Что вы собираетесь делать, мистер Росс? — спросил Дэвид.

Бен знал, что не должен посвящать в свой план Лори и Дэвида. Важно было, чтобы члены «Волны» всё решили сами; Бен только подведет их к этому. Если Дэвид и Лори завтра расскажут своим товарищам, что мистер Росс планирует положить «Волне» конец, те будут сбиты с толку. Возможно, они расстанутся с «Волной», так и не поняв, почему это нужно было сделать. Или даже хуже — начнут бороться с Беном и пытаться сохранить «Волну», несмотря на то что она обречена.

— Дэвид, Лори, — сказал Бен. — Вы поняли то, чего еще не поняли остальные. Я обещаю вам, что завтра

помогу им сделать это открытие. Но мне нужно сделать это так, как я задумал, а вас я прошу просто мне поверить. Можете?

Дэвид и Лори неуверенно кивнули. Бен поднялся и проводил их до двери со словами:

— Давайте-давайте, уже слишком поздно.

Но вдруг ему пришла в голову новая идея.

— Стойте-ка, а не знаете ли вы двух человек, которые не были вовлечены в «Волну»? Нужны те, чье отсутствие на собрании не будет заметно.

Дэвид задумался. Как ни удивительно, почти все его знакомые в школе были членами «Волны». Но Лори вспомнила:

— Алекс Купер и Карл Блок! Они из нашей газеты, из «Листка Гордон Хай».

— Отлично, — сказал Бен. — Я очень прошу вас прийти завтра на урок и вести себя так, как будто всё в порядке. Не рассказывайте никому, что были у меня и говорили со мной. Обещаете?

Дэвид кивнул, но у Лори по-прежнему был озабоченный вид, и она не спешила соглашаться.

— Не знаю, мистер Росс...

Бен оборвал ее:

— Лори, очень важно, чтобы мы сделали именно так и никак иначе. Ты должна мне поверить! Хорошо?

Лори нехотя сдалась. Бен помахал им, и ребята скрылись в темноте.

ГЛАВА 16

На следующий день с самого утра Бен был уже в кабинете Оуэнса. Ему пришлось достать платок, чтобы промокнуть вспотевший лоб. Только что директор со всей силы шарахнул кулаком по столу.

— Черт побери, Бен! Плевать я хотел на ваш эксперимент! Учителя жалуются, родители звонят каждые пять минут с вопросом, что это за чертовщина, что мы вытворяем с их детьми. Вы думаете, их устроит объяснение про эксперимент?! А этот мальчик, которого отделили на прошлой неделе? Вчера ко мне приходил его раввин! Он два года провел в Освенциме — вы как думаете, он оценит ваш эксперимент?

Бен выпрямился.

— Директор Оуэнс, я все понимаю. Понимаю, что вы в очень сложном положении. Понимаю, что «Волна» зашла слишком далеко. Я... — он набрал в легкие побольше воздуха, — ...теперь я понимаю, что совершил ошибку. Урок истории — не научная лаборатория. Нельзя ставить опыты над людьми, особенно над школьниками, которые, в сущности, не понимают, что стали частью эксперимента. Но давайте на минуту забудем, что это была ошибка, что мы слишком далеко зашли. Давайте посмотрим, что происходит сейчас: сейчас у нас есть двести человек, которые убеждены, что «Волна» — это отличная штука. Но они еще могут извлечь из этого урок. До конца дня я преподам им этот урок — урок, которого они никогда не забудут.

Директор посмотрел на него скептически.

— А что я в это время должен говорить родителям и остальным учителям?

Бен снова промокнул платком лоб. Он страшно рисковал, но выбора не было. Он втянул их в эту игру,

он должен был их вытащить.

— Скажите им, что я обещаю: до вечера «Волна» перестанет существовать.

Оуэнс поднял бровь.

— Как именно вы собираетесь этого добиться?

Бен кратко изложил свой план. Директор задумался, постукивая трубкой о край пепельницы. Повисла длинная, неудобная пауза. Наконец Оуэнс сказал:

— Бен, я буду с вами откровенен. История с «Волной» сильно испортила репутацию «Гордон Хай», и мне это крайне неприятно. Я разрешаю вам сделать сегодня то, что вы хотите. Но предупреждаю: если это не сработает, я попрошу вас уволиться.

Бен кивнул.

— Я понимаю.

Директор встал и протянул ему руку.

— Надеюсь, у вас все получится, — серьезно сказал он. — Вы — прекрасный учитель, мне бы страшно не хотелось с вами расстаться.

У Бена не было времени раздумывать над его словами. Выйдя из директорского кабинета, он помчался на поиски Алекса Купера и Карла Блока. Нельзя было терять ни минуты.

На своем уроке Бен дождался, пока все соберутся, и объявил:

— Вниманию «Волны»! В пять часов сегодня в зале собрание — только для членов.

Дэвид улыбнулся и подмигнул Лори.

— Повод для собрания следующий, — продолжил Бен. — «Волна» — это не просто учебный эксперимент. Это гораздо, гораздо больше. Я не сообщал вам о том, что с прошлой недели мои коллеги учителя по всей стране набирали молодежь в особую бригаду. Эта молодежная бригада должна показать всей нации, как сделать общество лучше. Как вам известно, страна прошла через тяжелое десятилетие: инфляция

ослабила нашу экономику. Безработица и преступность достигли рекордного уровня. Нравственность в Соединенных Штатах никогда не падала столь низко. Все больше людей, и среди них — основатели «Волны», считают, что наша страна обречена, если мы не остановим эту опасную тенденцию.

Дэвид больше не улыбался. Он ожидал услышать совсем не это. Мистер Росс, похоже, вовсе не собирался покончить с «Волной». Наоборот, он погружался в нее более, чем когда-либо!

— Мы должны доказать, что с помощью дисциплины, единства и действия мы можем развернуть ход истории! — заявил мистер Росс. — Посмотрите, чего мы добились всего за несколько дней! Если мы изменили ситуацию в школе, мы сможем сделать это повсюду.

Лори испуганно взглянула на Дэвида. Мистер Росс продолжил:

— На заводах и фабриках, в больницах и университетах — во всех организациях...

Дэвид, вскочив с места, запротестовал:

— Мистер Росс, постойте...

— Сядь, Дэвид! — скомандовал мистер Росс.

— Но, мистер Росс, вы говорили...

Бен решительно оборвал его:

— Я сказал, сядь, Дэвид. Не перебивай меня.

Дэвид вернулся на место и продолжил слушать, не веря своим ушам.

— Слушайте меня внимательно! — сказал мистер Росс. — Во время собрания по телевидению выступит основатель и национальный лидер «Волны», чтобы объявить о создании Национального молодежного движения «Волна».

Ребята разразились радостными возгласами. Для Дэвида и Лори это было уже слишком. На этот раз они оба вскочили и обернулись к классу:

— Пойдите, погодите, — умолял Дэвид, — не слушайте его! Не слушайте! Он лжет!

— Неужели вы не видите, что он делает? — взволнованно выкрикнула Лори. — Вы что, совсем разучились думать самостоятельно?!

Все притихли, глядя на них.

Росс понимал, что нужно действовать быстро, пока они не рассказали того, чего нельзя было рассказывать.

Он осознал свою ошибку: попросил Лори и Дэвида поверить ему, не предполагая, что они взбунтуются. Сейчас стало ясно, что подчиняться они не будут. Росс щелкнул пальцами:

— Роберт, оставляю тебя за старшего, пока я провожу Дэвида и Лори в кабинет директора.

— Мистер Росс, да!

Мистер Росс стремительно подошел к двери и распахнул ее перед Дэвидом и Лори. Они медленно двинулись по коридору в сторону директорского кабинета в сопровождении мистера Росса. До них доносились дружные ритмичные выкрики из кабинета истории:

— Сила в дисциплине! Сила в единстве! Сила в действии!

— Вы нас вчера обманули, — горько сказал Дэвид.

— Нет, Дэвид. Я же сказал, вы должны мне верить, — ответил мистер Росс.

— Почему мы должны вам верить? — воскликнула Лори. — Ведь это вы все затеяли!

С этим трудно было поспорить. Бен не мог выдумать ни одной достойной причины, почему они должны ему верить. Он знал, что должны. Он надеялся, что к вечеру они поймут почему.

Дэвид и Лори провели остаток урока, поджидая мистера Оуэнса. Они чувствовали себя совершенно

несчастливыми и обманутыми. Ребята были уверены, что мистер Росс уговорил их поддержать его нарочно, чтобы они не мешали ему в эти последние часы, прежде чем движение «Волна» из «Гордон Хай» сольется с общенациональным движением, одновременно развивавшимся во всех школах страны.

Даже директор Оуэнс, казалось, был вовсе не рад их видеть, когда он наконец появился у дверей своего кабинета. На столе у него лежал краткий рапорт от мистера Росса — очевидно, о том, что Лори и Дэвид нарушали дисциплину на уроке. Они умоляли мистера Оуэнса немедленно остановить деятельность «Волны» и отменить собрание, но тот только уверял их, что все будет в порядке.

В конце концов директор велел им отправиться на урок. Лори и Дэвид недоумевали. Они пытались предотвратить худшее, что когда-либо происходило в их школе, а директор как будто этого не понимал.

Выйдя из кабинета, Дэвид швырнул учебники в свой шкафчик и с силой захлопнул дверцу.

— К черту все это, — злобно бросил он Лори. — На сегодня с меня хватит. Я валю отсюда.

— Подожди меня, я только книжки положу, — сказала Лори. — Я с тобой.

Через несколько минут, когда они уже шли по мостовой прочь от школы, Дэвид совсем приуныл.

— Не могу поверить, что я был таким идиотом, Лори, — повторял он. — Как я мог на это клюнуть!

Лори крепко сжала его руку.

— Ты был не идиотом, ты был идеалистом. Я хочу сказать, что хорошее в «Волне» ведь тоже было! Не всё было плохо, иначе все подряд не стали бы в нее вступать. Они просто не понимают, что в ней самое ужасное. Они думают, что «Волна» обеспечивает равенство, но не понимают, что она отнимает право на независимость!

— Лори, а может быть, это мы ошибаемся насчет «Волны»? — спросил Дэвид.

— Нет, Дэвид, мы не ошибаемся, — ответила Лори.

— Почему тогда больше никто этого не понимает?

— Я не знаю. Они все как будто под гипнозом. Они просто ничего не слышат.

Дэвид сокрушенно кивнул.

Было еще не поздно, и они решили пройтись по парку. Домой совсем не хотелось. Дэвид не знал, что и думать о «Волне» и о мистере Россе. Лори по-прежнему была уверена, что это просто мимолетная мода, которая быстро надоеет, кто бы и где бы ни начал ее. Ее пугало лишь то, что еще могут натворить члены «Волны», пока эта мода не прошла.

— Я вдруг почувствовал себя таким одиноким, — признался Дэвид, когда они шли через парк. — Все мои друзья вступили в какое-то безумное движение, а я — изгой, отброс общества, потому что не хочу быть как они.

Лори отлично его понимала, она и сама чувствовала себя точно так же. Она придвинулась ближе, и он обнял ее. Никогда еще Дэвид не казался ей таким родным. Разве не странно, что, пройдя вместе через что-то плохое, они стали ближе? Она вспомнила, как вчера вечером Дэвид в одну секунду отрекся от «Волны», когда понял, что сделал ей больно, — и вдруг крепко прижалась к нему.

— Ты что? — удивился Дэвид.

— Нет-нет, ничего, — ответила она.

— Хм, — Дэвид посмотрел в сторону.

Лори снова мысленно вернулась к «Волне». Она попыталась представить себе школьный зал, набитый участниками движения. Вот какой-то лидер обращается к ним с экрана. Что он прикажет им? Жечь книги?

Обязать всех не-участников носить повязки на рукавах? Это казалось совершенно невозможным. И вдруг... Лори что-то вспомнила.

— Дэвид, — сказала она, — ты помнишь день, когда все это началось?

— Когда мистер Росс выучил с нами первый девиз? — переспросил Дэвид.

— Нет, Дэвид, за день до этого, когда мы смотрели фильм про концлагеря. День, когда я страшно расстроилась. Помнишь? Никто не мог понять, почему все остальные немцы игнорировали то, что делали нацисты и притворялись, будто ничего не знают!

— И что? — не понимал Дэвид.

Лори подняла на него глаза.

— Ты помнишь, что ты сказал мне тогда за обедом?

Дэвид честно попытался вспомнить, но не смог и покачал головой.

— Ты сказал, что это больше не повторится!

Дэвид взглянул на нее и невольно улыбнулся.

— Знаешь что? — сказал он. — Несмотря на все это — на это собрание, на национального лидера, даже на то, что я сам в этом участвовал, — я не могу в это поверить. Какой бред!

— Вот и я думала о том же, — ответила Лори. И тут ее осенило. — Дэвид, давай вернемся в школу.

— Зачем?

— Хочу его увидеть, — пояснила Лори. — Хочу посмотреть на этого лидера. Ни за что не поверю, что это правда, пока сама не увижу.

— Но мистер Росс сказал, что это только для членов «Волны».

— Ну и что?

Дэвид пожал плечами.

— Как хочешь, Лори! Я не уверен, что хочу возвращаться. У меня такое чувство... ну, «Волна» уже

поймала меня однажды, и если я вернусь, это может повториться.

— Не выйдет! — засмеялась Лори.

ГЛАВА 17

Это невероятно, подумал Бен Росс, подходя к залу. Прямо у входа, за маленьким столиком двое старшеклассников проверяли у входящих членские билеты. Участники движения стремительно заполняли зал, многие несли баннеры и плакаты. Бен не мог избавиться от мысли, что до существования «Волны» понадобилось бы не меньше недели, чтобы собрать столько народу. Сегодня же это заняло всего несколько часов. Что ж, это положительная сторона дисциплины, единства и действия. Если сегодня у него получится освободить их от «Волны», интересно, скоро ли он снова начнет получать неряшливые домашние работы? Бен улыбнулся. Вот она, цена свободы.

Он увидел, как Роберт, в пиджаке и при галстукe, вышел из зала и обменялся салютом с Брэдом и Брайаном.

— Все собрались, — сказал им Роберт. — Охрана на месте?

— На месте, — ответил Брэд.

Роберт остался доволен.

— Хорошо, проверьте все двери. Убедитесь, что они заперты.

Бен нервно потер руки. Пора внутрь. Он подошел ко входу на сцену и вдруг заметил Кристи.

— Привет! — Она быстро поцеловала его в щеку. — Я решила пожелать тебе удачи.

— Спасибо, мне она понадобится, — сказал Бен.

Кристи поправила ему галстук.

— Тебе уже говорили, что ты отлично выглядишь в костюме? — спросила она.

— По правде сказать, Оуэнс недавно говорил, — вздохнул Бен. — Если мне придется искать новую

работу, буду носить не снимая...

— Не беспокойся. Все получится, — сказала Кристи.

Бен выдавил из себя слабую улыбку.

— Если бы я верил в себя так же, как ты в меня веришь...

— Вперед, победа будет за нами!

Через мгновение Бен уже стоял на краю сцены, глядя на зал, заполненный до отказа участниками «Волны». Вскоре к нему присоединился Роберт.

— Мистер Росс, — салютовал он, — все двери заперты, охрана на местах.

— Спасибо, Роберт, — сказал Бен.

Пора начинать. Выходя на середину сцены, Бен бросил беглый взгляд на занавес за спиной, а потом на будку механика в конце зала. Когда он занял место между двух огромных телевизионных мониторов, публика в едином порыве поднялась с мест и принялась скандировать лозунги «Волны», отдавая салют:

— Сила в дисциплине!

— Сила в единстве!

— Сила в действии!

Бен стоял перед ними не шевелясь. Когда они замолчали, Бен вытянул вперед руки, призывая к тишине. В одно мгновение толпа затихла. «Какое послушание», — горько подумал Бен. Он окинул взглядом переполненный зал, понимая, что это, быть может, последний раз, когда ему удалось так прочно завладеть вниманием этих ребят. И вот он заговорил.

— Сейчас к нам обратится национальный лидер. — Он обернулся к Роберту. — Роберт!

— Мистер Росс, я слушаю.

— Включи телевизоры.

Оба экрана засветились голубым и зеленым, но изображения не было. Ребята подались вперед и замерли в ожидании, напряженно уставясь на мониторы.

Между тем снаружи Дэвид и Лори дергали за ручки дверей. Зал был заперт. Они попробовали другие двери — те тоже были заперты. Но были еще двери с другой стороны зала, и ребята побежали туда.

Экраны телевизоров по-прежнему были пустыми. Картинки не было, динамики молчали. По залу пронесся тревожный гул. Почему ничего не происходит? Где лидер? Что они должны теперь делать? Напряжение нарастало, и один вопрос все настойчивей звучал в голове у каждого: что теперь делать?

С края сцены Бен наблюдал море лиц, с тревогой обращенных к нему. Неужели и вправду люди от природы склонны искать лидера, который будет принимать за тебя решения? Обращенные к нему взгляды подтверждали это. Как же велика ответственность любого лидера, который ведет за собой толпу! Бен начинал понимать, что его «маленький эксперимент» был гораздо серьезнее, чем он мог себе представить. Страшно было, с какой готовностью они начинали во всем доверять тебе, как легко отдавали тебе право решать за них. Но если им обязательно нужно за кем-то идти, думал Бен, пусть хотя бы усвоят правило: не бояться задавать вопросы и никому не доверяться слепо. Иначе...

В самом центре зала какой-то мальчик, охваченный отчаянием, вскочил и прокричал Россу:

— Нет никакого лидера, его нет!

И тут же на глазах у потрясенной публики двое охранников «Волны» выволокли нарушителя спокойствия из зала. В суматохе Лори с Дэвидом проскользнули в открытую дверь.

Прежде чем все успели осознать, что произошло, Бен снова вышел на середину сцены.

— Да, у вас есть лидер! — выкрикнул он. Это был знак, которого ждал прятавшийся за сценой Карл Блок. Он раздвинул занавес, открыв гигантский киноэкран. В тот же миг Алекс Купер, сидевший в будке, включил проектор.

— Смотрите! — бросил Бен толпе учеников. — Вот он, ваш вождь!

В зале раздались шепот и удивленные возгласы — перед ними во весь экран появилось изображение Адольфа Гитлера.

— Ну да! — прошептала Лори на ухо Дэвиду. — Это и есть тот фильм, который он нам показывал!

— А теперь слушайте внимательно! — продолжал кричать Бен. — Нет никакого Национального молодежного движения. Нет никакого лидера. Но если бы он был, он был бы таким! Видите, во что вы превратились? Видите, к чему вы шли? Как далеко вы готовы были зайти? Взгляните на ваше будущее!

Камера переключилась с Гитлера на юных солдат рейха, сражавшихся за него во Второй мировой. Многие были совсем детьми, младше тех, кто собрался в зале.

— Вы считали себя особенными, — продолжал Бен, — думали, что вы лучше тех, кого нет сегодня в этом зале. Вы продали свою свободу за то, что вы считали равенством. Но равенство вы обратили в превосходство над теми, кто не вступил в «Волну». Вы ставили мнение коллектива выше собственных убеждений, и неважно, если это кому-то причиняло боль. Некоторые из вас думали, что они просто попробуют, покатаются — и в любой момент слезут. Но получилось ли это у кого-нибудь? Кто-нибудь пробовал? О да, из вас вышли бы отличные нацисты! Вы надели бы форму, отдавали салют и позволили бы преследовать и уничтожать ваших друзей и соседей. Вы говорите, что

такое не может повториться, — но как близки к этому были вы сами! Вы угрожали тем, кто не с вами, не давали им сидеть рядом с вами на футбольных матчах. Фашизм — это не то, что когда-то устроили какие-то другие люди. Он здесь, он в каждом из нас. Вы спрашиваете, почему немцы ничего не предпринимали, пока погибали миллионы ни в чем не повинных людей? Как они могли утверждать, что они ни при чем? Что заставляет людей отрицать собственную историю?

Бен подошел к краю сцены и заговорил тише:

— Если история повторится, вы точно так же будете отрицать то, что случилось с вами из-за «Волны». Но если наш эксперимент был успешным, — а вы, я полагаю, видите, что это так и есть, — вы запомните: нужно всегда отвечать за свои действия и всегда спрашивать себя «А правильно ли я поступаю?» вместо того, чтобы слепо доверять лидеру. И никогда, слышите, никогда вы не позволите коллективу отобрать у вас права личности.

Бен замолчал на мгновение. Его слова звучали так, как будто все они были виноваты. Но он должен был сказать еще кое-что.

— И еще. Я должен извиниться перед вами. Я знаю, как вам сейчас тяжело. Но никто из вас не виноват так, как я, который привел вас к этому. Я хотел, чтобы «Волна» стала для вас важным уроком, и, возможно, у меня это получилось слишком хорошо. Я превратился в вождя в гораздо большей степени, чем планировал. Для меня это тоже был важный и трудный урок. Что еще я могу сказать? Надеюсь, что этот урок мы с вами запомним до конца своих дней. Если нам достанет ума, мы не позволим себе забыть его.

Эффект, который его слова произвели на присутствующих, был поразителен. Многие плакали, остальные избегали смотреть на тех, кто сидел рядом. Покидая зал, ребята рвали плакаты, сминали баннеры.

Пол был усеян желтыми членскими билетами. Они понуро брели из зала, от недавней военной выправки не осталось и следа.

Лори и Дэвид медленно пробирались по проходу, минуя встречный поток. Навстречу им с опущенной головой шла Эми. При виде Лори она расплакалась, бросилась к подруге и обняла ее.

Следом шли Эрик и Брайан. Увидев Дэвида, они остановились, и на несколько мгновений среди трех товарищей по команде воцарилось неловкое молчание.

— Какой бред... — еле слышно пробормотал Эрик.

Дэвиду было страшно жалко своих друзей.

— Ну, теперь-то все закончилось, — попытался он приободрить их. — Давайте попробуем об этом забыть... То есть попробуем не забывать об этом... но в то же время забыть.

Эрик и Брайан кивнули. Они поняли, что Дэвид хотел сказать, хотя у него не очень получилось. Брайан сделал горестное лицо.

— Я должен был догадаться, — сказал он. — Когда в субботу этот их лайнбекер повалил меня и отобрал у нас пятнадцать ярдов, я должен был догадаться, что это фигня всё.

Трое футболистов обменялись короткими смешками, и Эрик с Брайаном ушли. Дэвид пробрался к сцене, где стоял мистер Росс. У учителя был очень усталый вид.

— Простите, что не поверил вам, мистер Росс! — сказал Дэвид.

— Хорошо, что не поверил, — ответил Росс. — Доказал, что умеешь думать сам. Это я должен перед тобой извиняться, Дэвид. Надо было сказать тебе, в чем заключается мой план.

К ним подошла Лори.

— А теперь что будет, мистер Росс? — спросила она. Бен пожал плечами и покачал головой.

— Не уверен, что я знаю это, Лори. Нам нужно пройти еще несколько тем до конца семестра. Но, быть может, один урок мы всё же посвятим тому, что произошло сегодня.

— Думаю, это нужно, — согласился Дэвид.

— Знаете, мистер Росс, — сказала Лори, — я даже рада, что так случилось. Мне жаль, что до такого дошло, но я рада, что все в итоге сработало. Я думаю, мы многому научились.

Бен кивнул.

— Приятно это слышать, Лори. Но я уже решил, что в следующем году пропущу этот урок.

Дэвид и Лори с улыбкой переглянулись. Они попрощались с мистером Россом и направились к выходу.

Бен наблюдал, как они вместе с последними из бывших участников «Волны» покидают зал. Когда наконец все ушли, он решил, что остался один, вздохнул и воскликнул:

— Слава богу!

Он чувствовал огромное облегчение от того, что все хорошо кончилось, и благодарил судьбу за то, что не потерял работу в «Гордон Хай». Предстояло еще умиротворить некоторых рассерженных родителей и возмущенных коллег, но он знал, что справится с этим.

Бен собрался уже уходить со сцены, когда вдруг услышал громкий всхлип, обернулся — и увидел Роберта, который стоял, опершись об один из телевизоров. По его лицу градом катились слезы.

Бедняга Роберт, подумал Бен. Вот кто действительно проиграл. Бен подошел к мальчику и положил руку ему на плечо.

— Знаешь, Роберт, — сказал он, — тебе очень к лицу пиджак и галстук. Надевай их почаще.

Роберт улыбнулся сквозь слезы.

— Спасибо, мистер Росс!

— Что скажешь, если мы пойдем чего-нибудь перекусим? — спросил Бен, уводя его со сцены. — Думаю, нам есть о чем поговорить.

В КАЧЕСТВЕ ПОСЛЕСЛОВИЯ

История XX века — это в некотором роде и история диктатур, две из которых — фашизм и сталинизм — занимают первое место в списке известных на сегодняшний день преступлений перед человечеством. Обеим были присущи сознательное вычленение, травля и уничтожение «недолюдей» и инакомыслящих — от неудобных по любому признаку групп населения (гомосексуалистов, инвалидов, диссидентов и т. д.) до целых народностей и даже наций. И хотя жертвы сталинизма не менее масштабны, а методы не менее — а порой и более — ужасающи, именно о гитлеровском фашизме и холокосте как о наиболее бесчеловечном его проявлении пытается рассказать американский педагог Рон Джонс своим ученикам, отказывающимся верить в то, что все перечисленные учителем ужасы проходили на глазах одного из самых культурных народов Европы — немцев.

Как все начиналось:

1933 год

30 января Гитлер назначен канцлером Германии — главой правительства.

7 апреля Увольнение всех чиновников, кто имел хотя бы одного прародителя еврея.

22 апреля Увольнение евреев-врачей из поликлиник.

25 апреля Введение квот для евреев в учебных заведениях: не более 5 % в каждой школе и не более 1,5 % в университетах.

10 мая Публичное сожжение произведений еврейских авторов и антинацистских книг.

2 июня Увольнение из поликлиник зубных врачей и техников-евреев.

13 сентября Введение преподавания расовой теории в школах.

1934 год

1 января Из немецкого календаря убраны все еврейские праздники.

17 мая Немецкие евреи лишены права на медицинскую страховку.

1935 год

31 мая Объявление армии Германии «чисто арийской».

14 ноября Евреи лишены права голоса. Запрещаются смешанные браки между арийцами и представителями других рас.

1936 год

9 марта Антиеврейские погромы в Польше.

1937 год

26 января Евреям запрещено работать в любых учреждениях на территории Германии.

12 июня Осужденных за «осквернение расы» после окончания срока заключения запрещается выпускать на свободу.

19 июля Создание концентрационного лагеря в Бухенвальде.

1938 год

9 июня Разрушена Большая синагога Мюнхена.

15 июня Аресты 1500 евреев, когда-либо нарушавших законодательство (любое, вплоть до неправильной парковки, и даже уже наказанных за это) и отправка их в концентрационные лагеря.

27 сентября Запрет на работу для юристов-евреев.

5 октября Введение особых отметок в паспорта евреев.

9-10 ноября «Хрустальная ночь» — массовые антиеврейские погромы.

15 ноября Запрет для еврейских детей на обучение в немецких школах.

1939 год

август Евреи Румынии лишены гражданства.

1 сентября Начало Второй мировой войны — Германия напала на Польшу.

20 сентября Запрет евреям Германии иметь радиоприемники.

21 сентября Создание в Польше еврейских гетто.

26 октября Начато использование евреев на принудительных работах.

11 ноября Евреям запрещено менять место жительства.

23 ноября Всем польским евреям приказано носить отличительный знак: желтый треугольник размером не менее 15 см. В дальнейшем форма знака менялась в разное время и в разных местах, но в основном это была Звезда Давида желтого цвета.

1940 год

январь Первые эксперименты по умерщвлению людей газом в Германии.

20 мая Закладка концлагеря в Освенциме.

3 октября Правительство Виши публикует «Закон о статусе евреев», отказывающий в законодательной защите всем иностранным евреям.

Сегодня для нас холокост — это:

Преднамеренная попытка полного истребления целой нации, приведшая к уничтожению 60 % евреев Европы и около трети еврейского населения мира.

Уничтожение от четверти до трети цыганского народа.

Уничтожение до 10 % поляков (не включая военные потери и потери от истребления литовскими и украинскими коллаборационистами).

Уничтожение около 3 млн советских военнопленных.

Тотальное истребление чернокожих граждан Германии.

Тотальное истребление душевнобольных и нетрудоспособных (при потере трудоспособности на срок более 5 лет — см. Программа умерщвления Т-4).

Истребление около 9000 гомосексуалистов.

Разработка систем и способов массового уничтожения людей при постоянном их совершенствовании (многочисленные списки потенциальных жертв, лагеря смерти и т. д.).

Грандиозные, межнациональные масштабы истребления людей вплоть до перехода военных действий на территорию Германии и ее последующей капитуляции в мае 1945 года.

Жестокие и часто приводящие к смерти антигуманные медицинские эксперименты нацистов над жертвами холокоста.

По разным сведениям, жертвами холокоста стали от 3,5 до 6 млн человек.

Предыстория создания книги

История, лежащая в основе этой книги, произошла в первую неделю апреля 1967 года в школе Кабберли в Пало-Альто. Она была рассказана самим Роном Джонсом в 1976 году в статье для журнала Whole Earth Review. Временной разрыв, кстати, не случаен: важной составляющей эксперимента была идея, согласно которой с падением тоталитарного режима его участники отвергают воспоминания о нем, отказываются воспринимать себя как его часть, и разговоры об этом их общем прошлом оказываются табуированы. В данном случае эта теория, в общем, подтвердилась: участники эксперимента готовы были обсуждать его ход, но последний день, в который Волна оказалась не следствием спонтанной перемены манеры преподавания в отдельно взятом классе, но организованной ячейкой в составе всеамериканского движения, стремящегося получить власть в стране (движения, выдуманного Роном Джонсом), не обсуждался никогда. По словам самого Джонса: «Да, мы разговаривали о Третьей волне и тщательно анализировали наши действия. Но только не сам сбор. Нет. Это было то, о чем мы все хотели забыть».

Через несколько лет после того, как эта история станет известна, режиссер и продюсер Алекс Грассхофф снимет о ней короткометражный фильм для телевизионного цикла Afternoon specials канала ABC, этот фильм и будет беллетризован Штрассером в «Волне» в 1981 году.

Таким образом, история эксперимента проходит сложный трехчастный путь: от эссе в книге о педагогике, через киноленту и обратно к тексту, но уже художественному.

Опыт участников эксперимента тревожит их до сих пор — у Третьей волны есть созданный бывшими учениками сайт с фотографиями и подробной хронологией эксперимента, документальный фильм и онлайн-музей. Таким образом, за отрицанием и попыткой забыть Третью волну пришло желание анализировать и запомнить этот опыт. Кроме того, Третья волна до сих пор служит своего рода меткой, связавшей всех его участников: ученика, с которого вся эта история началась (задавшего вопрос о том, как жители гитлеровской Германии могли не замечать происходящих преступлений) и со случайной встречи с которым через десять лет после происходивших событий Рон Джонс начнет свой рассказ о Волне, учитель узнал по принятому тогда между ними жесту — согнутой правой руке.

Об авторе

Тод Штрассер, американский писатель, журналист, уличный музыкант и руководитель собственной компании по производству fortune cookies (печенья с предсказаниями внутри), родился в Нью-Йорке в 1950 году, отучился в школе на острове Лонг-Айленд, поступил в Нью-Йоркский университет, затем бросил его и жил в коммуне, после уехал в Европу, где стал уличным музыкантом, писал стихи, песни и подробные письма домой, через несколько лет вернулся и начал изучать литературу в университете Белойт (Beloit college). После его окончания Тод работал рекламщиком и репортером в нью-йоркской газете, а в 1978 году издал свой первый роман «Angel Dust Blues» и основал собственную компанию.

Тод Штрассер (иногда писавший под псевдонимами Мортон Ру и Т. С. Ру) — автор более 120 произведений для детей и подростков, в том числе серии-бестселлера «Помогите! Я в ловушке» («Help! I'm trapped in») и таких получивших многочисленные премии книг, как «Волна», «Дайте мальчику ружье» («Give boy a gun»), «Происшествие» («Accident»), «Если я вырасту» («If I grow up»). Его книги переведены на дюжину языков. Тод часто выступает как автор статей для The New Yorker, Esquire и The New Times.

Скачать полное методическое пособие для проведения урока по книге «Волна» вы можете на сайте издательства «Самокат» www.samokatbook.ru на странице книги в каталоге.

Все о книге «Волна» читайте на сайте <http://www.thewave.tk/>